

ОЛЕГ ДИВОВ

С Л Е Д З О М Б И

МАСТЕР СОБАК

След зомби

Олег ДИВОВ
Мастер собак

«ЭКСМО»

1997

Дивов О. И.

Мастер собак / О. И. Дивов — «Эксмо», 1997 — (След зомби)

Загадочные кровожадные твари терроризируют Москву. В борьбе с ними оказываются неэффективными самые современные виды оружия. И тут люди вспоминают о давно забытых боевых качествах своих старых соратников – собак. В книге присутствует ненормативная лексика.

© Дивов О. И., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Олег Дивов

Мастер собак

Сегодня нет фактических оснований полагать, что упоминающиеся в тексте организации действительно существуют или когда-либо существовали. Все действующие лица вымышлены и не имеют реальных прототипов. Все совпадения имен, названий и наименований случайны.

Неоценимую помощь в сборе фактического материала мне оказала Карма-Дот.

Часть I

Декабрь

Тварь притаилась на крыше, напряженно изучая обстановку внизу. Прямо под ней был узкий коридор между стенами магазина и склада. Коридор выходил во дворик – сплошь высокие сугробы и кучи гнилых упаковочных ящиков. Там, в этой неразберихе, цель – дыра погрузочного люка, ведущего в подвал.

Вырожденный мозг твари лихорадочно просчитывал варианты. До рассвета времени более чем достаточно. Если бы там, внизу, были просто люди, обычные люди... Мягкие, податливые тела, слабая энергетика. Прыгнуть, схватить за плечи, крепко прижать к себе. Или хотя бы взять за руку и удержать. Несколько секунд крика и бессмысленных конвульсий. Потом тело обмякнет, и его можно спокойно нести. Волочь нежелательно – рвутся кожные покровы. Ничего сложного. Но сейчас все не так. Задача не выполнена, а на пути отхода – засада.

Тварь опустила голову и повела носом, будто принюхиваясь. Копна спутавшихся грязных волос упала ей на глаза, но это ничего не значило. В глазницах твари намерзла корка льда.

Окружающий мир был отчетливо виден, ясен, понятен. И здания, и прячущиеся внизу существа были для твари просто системами энергетических полей, пронизывающих и оформляющих все живое и неживое. Стены, перекрытия, коммуникации... и четверо врагов на первом этаже. При желании тварь могла бы рассказать историю любого кирпича в этом доме. А враги – всего лишь энергетические цепи немногим сложнее кирпичей. Если знаешь, где что разомкнуть, – несколько мгновений сокращения мышц и колебаний воздуха. Если не знаешь, что оборвать в цепи, – просто хватай и держи. Результат тот же. Главное – подобраться вплотную, потому что враги подвижнее, чем ты. Они устраивают засады на тебя, а ты – на них. Кто кого.

Разумеется, ни о чем подобном тварь не размышляла. Она просто не способна была думать в человеческом понимании этого слова. И, конечно, она не пользовалась человеческими терминами, чтобы обозначить находящееся и происходящее вокруг. Были просто тонкие излучения, легко различимые и хорошо понятные. В некоторой степени тварь умела ими управлять. Сейчас, например, она тщательно экранировала свой мозг от внешнего мира. А лучи-щупальца, которыми тварь, словно радаром, изучала пространство, были перенастроены так, чтобы вызывать у живых разумных и неразумных минимум беспокойства. Тварь была молодым и ценным экземпляром, намного превосходящим своих неповоротливых собратьев предыдущей генерации. И не могла себе позволить случайную гибель. Люди мыслят странно, в их головах хаос, но иногда из него прорывается очень эффективная тактика. Люди – гении разрушения. Даже если ты посылаешь и принимаешь отраженный сигнал триста миллиардов раз

в секунду, все равно найдется умник, который придумает, как стереть тебя в порошок доступными ему методами. Например, перебьет кувалдой позвоночник, наедет на спину машиной и будет спокойно ждать рассвета. А что случится после рассвета – ты не знаешь. Мало информации. Известно только, что тебе его точно не пережить.

Тварь переместилась еще. Кончики пальцев – ороговевшие, превращенные в острый коготь, – вонзились в сковавший крышу лед. Если бы тварь умела беспокоиться, она могла бы совершить какую-нибудь глупость. Но нынешний ее мозг не умел генерировать эмоции. Он только анализировал объективную информацию. Сейчас он высчитал: с каждой секундой растет вероятность того, что тебя засекут. Либо ты неосторожно заденешь одного из неразумных своим лучом-щупальцем, либо тебя обнаружат те, другие, похожие на людей, но уже не совсем люди. Их четверо, они снаружи, за забором и домами, по углам квадрата, и сканируют местность почти на тех же частотах, что и ты. Каждый раз, чувствуя рядом их луч, ты сжимаешься в комок, но так не может продолжаться вечно. Они просто не ждут тебя сверху, они еще не встречались с такими, как ты, быстрыми умом и телом, способными передвигаться не только по земле. Тварь приняла решение.

Конечно, можно было пройти по крыше и прыгнуть во двор возле самого люка. Но там груды ящиков. Если застрянешь, тебя прикончат эти трое, поделившие двор на сектора обстрела. Тихо сидят в засаде вместе со своими неразумными. Очень напряжены. Можно прыгнуть с другой стены и пробежать до люка, нырнуть в него головой вперед – вдруг не попадут? Примут за человека и растеряются. Но тебя мигом распознают неразумные – бросятся, догонят, собьют с ног. Тогда конец. Тварь умела двигаться почти так же быстро, как человек, но пропитанные консервантом мышцы потеряли резкость. Ей нужно место для разбега. Если бы влететь во двор на полной скорости – тогда пересечь его можно за полторы-две секунды. Вот такой прыти от тебя не ждут точно. С непривычки и не попадут, и перехватить не успеют. Но где разогнаться? Только в этом узком коридоре, выходящем во двор под прямым углом. А в коридоре – еще двое. Тоже напряжены, но нападения сверху не ждут. Один – такой же, как и ты, разумный двуногий прямоходящий. Стоя жмется к стене, готов стрелять, просматривает весь коридор. Думает, ты выскочишь из подвальных окон. Рядом неразумный, стоит на четвереньках и при этом по пояс своему напарнику. Очень большой и смертельно опасный. И почти тебя учуял. Враг, стоящий в двух шагах, за воротами, мучительно вгрызающийся в пространство лучом огромной интенсивности, тебя не чувствует. А это животное, эта четвероногая тупая дрянь, заросшая шерстью, сейчас поднимет морду и разинет клыкастую пасть...

Тварь выпрямилась на краю во весь рост. Ветер распахнул изодранную куртку, дунул в прорехи джинсов, смахнул волосы со лба, отполировал лед в пустых глазницах. Носы сапог повисли над десятиметровой пропастью. Нужно прицелиться очень тщательно и приземлиться неразумному на спину – точно посередине, обеими ногами. И левой рукой ударить разумного в голову. Упасть, перекатиться, и прямо с четверенок – вперед, проскочить двор, а там сквозь люк по транспортеру съехать на брюхе вниз. Длинный извилистый коридор, и в углу – призывно трепещущий сгусток темноты. Дверь. Начали. Ноги чуть согнуть в коленях. Порыв ветра переждать.

Неразумный внизу шевельнулся, задрал нос и обнажил гигантские лезвия клыков. Тварь, не раздумывая, шагнула в пустоту.

* * *

Кучум лежал на снегу, тяжело поводя боками. У него была очень длинная для кобеля морда, и сейчас, с подобранными под туловище лапами и безвольно распластанным хвостом, больше всего он был похож на крокодила, обросшего по русской зиме густым серым мехом.

– Эй, Склиф! – позвал Хунта. – Какого черта он дышит?!

– А что он еще может? – парировал Склифосовский, ощупывая голову Фила. Раненый всхлипывал. – Тихо, тихо! Не дергайся! Сейчас мы тебя, брат, заштопаем, и все будет в порядке.

– Где... – простонал Фил. – Где он...

– Спокойно. – Склиф выпрямился и поднял руку, показывая выскочившему из-за угла фельдшеру-ассистенту: мы здесь.

– Склиф! – снова позвал Хунта. Он стоял над Кучумом, уперев руки в бока, и, морщась, рассматривал собаку. – Да брось ты его! Иди сюда!

Кучум приоткрыл глаза и издал тяжелый вздох. Хунта присел на корточки и осторожно провел ладонью по горячей морде пса. Голова у Кучума была раза в полтора больше человеческой. В нормальной обстановке он попытался бы откусить Хунте руку. Но сейчас Кучум только вяло лизнул ее.

– Хороший, – прошептал Хунта, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. – Кучумчик хороший. Держись, лапушка, сейчас все будет в порядке. Склиф! Твою мать! Да иди же сюда, кому говорю!

Склифосовский, щелкнув пальцами, указал ассистенту на Фила и отвернулся. Подойдя к Хунте, он присел рядом и горячо прошептал ему на ухо:

– Что такое, старший? Ну чего ты гонишь? Он же захочет попрощаться!

– Он уже попрощался! – сказал Хунта громко и так посмотрел на врача, что тот невольно отшатнулся и щелкнул замком поясной аптечки.

– Как прикажешь, старший.

Кучум опять судорожно вздохнул.

– Сейчас будем спать, милый, – прошептал Хунта. – Спокойной ночи.

Склиф четким движением вонзил иглу в бедро пса, сжал пальцами шприц-тюбик и уставился на часы. На пятнадцатой секунде глаза собаки затуманились, веки начали медленно опускаться. Кучум что-то прошептал, совсем по-человечески, и застыл¹. Хунта поднялся на ноги, сунул руку сзади под шлемофон и поскреб затылок.

– Так, – сказал он. – Сейчас я пришлю тебе людей, они заберут этого... – Он брезгливо ткнул пальцем в сторону Фила, над головой которого работал ассистент. – А ты, пожалуйста, останься здесь. Приедет Доктор, поможешь ему. Хорошо?

Склиф уселся на снег рядом с Кучумом и осторожно похлопал усыпленного пса по мохнатому плечу.

– Понял, – пробормотал он, не поднимая глаз.

– Сможешь законсервировать эту штуку? – Хунта покосился на темное пятно в сугробе.

– Сейчас, – кивнул Склиф и поежился. – Сейчас принесут тест-кейс, и я все сделаю.

– Не переживай, старик. Дальше будет только хуже, – пообещал Хунта и тяжело утопал к воротам.

Склиф опять зябко шевельнул плечами и обернулся к сугробу, на который показал старший. Медик нажал кнопку на поясе, и с его плеча сорвался луч, осветив снег, усеянный яркосиними крапинками. Белее снега, вся в голубых прожилках, в сугробе лежала вещь, когда-то принадлежавшая человеку. Рука с острыми когтями вместо пальцев.

Бух-бух-бух! Кто-то, торопясь и не скрываясь, кубарем скатился в подвал по скользкой обледеневшей лестнице. На голове собаки поднялись и тут же опали пушистые кисточки.

¹ Описанная здесь процедура не имеет ничего общего с «усыплением», практикуемым в современных ветлечебницах. «Усыпляемый» агонизирует, его гибель сопровождается конвульсиями и опорожнением мочевого пузыря. Это тяжелейшее зрелище, способное нанести серьезную психическую травму хозяину животного. Поэтому в арсенал полевого медика Проекта стандартный «усыпитель» не входил. Смертельно раненному псу делалась инъекция мощного транквилизатора-«депрессанта», от которого животное впадало в глубокую кому. Фактическая смерть наступала по пути к месту захоронения здесь и далее примеч. авт.

Собака лениво встала на ноги, задрала хвост, рассыпавшийся пышным султаном, и потянулась. Рядом с ней распрямился человек.

Собака была очень крупная. Высокая, но не длинноногая, а именно крупная – с широкой грудью, мощными лапами и почти медвежьей головой. Там, где у нормальных собак бывают уши, у этой торчали вверх зазорные меховые ключья. Спина казалась провисшей – такая грива выросла у собаки на плечах.

Человек тоже выглядел более чем внушительно. Он, вероятно, и сам по себе был довольно массивен. А сейчас его увеличивала одежда – пухлые теплые брюки, толстая куртка до бедер, тяжелые высокие ботинки с мощной подошвой. Широкий кожаный пояс держал несколько сумочек-карманов, туго наполненных. Портупея фиксировала компактное устройство на плече. Лицо человека было почти совсем закрыто: с боков – поднятым вверх твердым воротником куртки, спереди – надвинутым на глаза длинным козырьком теплой кепки. Человек шевельнул плечами, разминаясь, и куртка у него на спине обозначила небольшой горб. Что-то висело у него там, под курткой, между лопатками.

Собака прошла вперед, в полосу льющегося через подвальное окошко лунного света. Человек шагнул следом и, не нагибаясь, легко толкнул ее кулаком в плечо. Собака подняла морду и приоткрыла зубастую пасть, выдохнув облачко пара. Это было очень похоже на улыбку.

Перед ними уходил вдаль, к выходу из подвала, черный коридор, перевитый по стенам трубами в цементной оболочке, местами осыпавшейся до металла. Иногда в коридоре ярко вспыхивал, приближаясь, огонек и принимались бухать тяжелые башмаки, попадая из нанесенного через окна снега просто в вековую пыль. Собака улыбнулась снова. Клыки у нее были в полпальца длиной.

Человек явно не собирался идти в коридор, навстречу другому. Но и стоял он спокойно, держа оружие толстым прямоугольным стволом вниз. С выдвинутым прикладом эта штука достигала почти метровой длины – пистолетная рукоятка, короткий магазин, цилиндрический довесок под стволом, на самом его конце. Ремня не было – зато от рукоятки, которую человек небрежно перебирал расслабленными пальцами, шел к его поясу свободно провисший тонкий шнур. Там, где у оружия бывает затвор, тускло светился зеленый огонек. Там, где на оружие монтируют лазерный прицел, действительно стоял лазерный прицел.

Свет в коридоре вспыхнул совсем ярко, но тут же погас, и в лунную полосу шагнул мужчина, отличный от первого только тем, что был без собаки, а вместо кепки на голове его красовался сдвинутый на затылок зимний танковый шлемофон. Собака появление гостя проигнорировала. Она даже поленилась его толком обнюхать – так, потянула носом воздух, и все.

Новоприбывший произвел серию поспешных движений – сунул оружие под мышку прикладом вперед, снял перчатку, извлек из кармана зажигалку и одну сигарету, прикурил, затянулся и убрал зажигалку обратно в карман. Смотрел он только на собаку. Та отвернулась к стене.

В процессе всей этой пантомимы другой человек хранил, казалось, ледяное спокойствие. Он лишь склонил голову набок и перестал шевелить пальцами на рукоятке – наоборот, оружие он держал теперь по-боевому: мягко, но плотно.

Визитер наделал перчатку, еще раз судорожно затянулся, выплюнул сигарету в угол и без предисловий выдохнул:

– Короче, Мастер, у Кучума сломан позвоночник. У Фила разбита голова, есть сотрясение. Вот!

– Shit! – выплюнул ругательство тот, кого называли Мастером. Собака встрепенулась и озабоченно посмотрела на него. Мастер, встав к пришедшему вполоборота, разглядывал в окошко луну.

– Она сверху прыгнула... – тихо сказал второй. – Представляешь, сверху. Кажется, прямо с крыши. Прямо на голову им обоим. Кто же мог знать? Никто не мог знать...

– Сенсы? – спросил Мастер сквозь зубы, не оборачиваясь.

– Ничего. Вообще ничего, понимаешь? Говорят, никаких не было возмущений на крыше – пустое место, и все. Они только сейчас нашли дырку, и то направление им сама тварь подсказала... Все не так, понимаешь? – тихо проговорил второй.

Наверху, на улице, взревело сразу несколько моторов.

– Дурак ты, Хунта, – сказал Мастер беззлобно. – Ты думаешь, я на тебя сержусь? Я себе простить не могу, что сразу не догадался. А с другой стороны... – Мастер сдвинул кепку на затылок и вытер тыльной стороной перчатки лоб. – Если каждый раз дергаться, едва что-то на ум придет... Это уже будет не охота, а дурдом.

– Согласен, – кивнул Хунта. – Но лучше дурдом, чем э-э... кладбище домашних животных. И я все-таки дурак. И ты на меня еще рассердишься. Прямо сейчас.

– Ну?

– Ну, короче, она ушла. Проскочила через двор и прыгнула в люк транспортера. И ушла. Собака тоскливо зевнула.

– Некоторые, когда не знают, с чего начать, говорят «значит», – мягко сказал Мастер. – Некоторые фразу начинают со слов «ты знаешь». А вот ты, отец, меня просто замучил этим своим «короче»... – Мастер подошел к Хунте вплотную и заглянул ему в лицо. Он был чуть ниже Хунты ростом, но тот просто съезжился весь от этого взгляда. – Как же так вышло? – недоуменно спросил Мастер, нависая при этом над Хунтой, как бомбовоз надлевой кухней, – видно, что не тронет, а все равно неуютно.

– А вот так, – сказал Хунта, поднимая глаза, но все равно глядя мимо. – Промазал я.

Мастер приоткрыл рот и сделал полшага назад.

– Так это ты стрелял?! – спросил он уже не с притворной мягкостью, а в искреннем изумлении. – Стоп! Я думал, это молодые со второго этажа. Я отчетливо слышал очередь в верные три секунды длиной...

– Да, да! – раздраженно выпалил Хунта и снова полез за сигаретами. – Я стрелял. Мы. Я и Зигмунд. И промазали оба! А молодые вообще не успели ее разглядеть. Только Боцман сверху по ней колошматил – как на ладони была – и тоже не попал... Понимаешь, – сказал он, щелкая зажигалкой, – она действительно совсем не такая... Непохожая. Никто толком ничего не понял. А кто понял – не успел. В смысле – собаки... – Он яростно потряс зажигалкой, высекавшей только искры.

– А собаки, говоришь, поняли?

– Поняли, а что толку? Быстрая она, сука. Шустрая, – бормотал Хунта, ударяя доньшком зажигалки по раскрытой ладони. – Такая быстрая, что все только варезку разинули... Султан ее издали не почуял, Джареф тоже не почуял. А когда выскочила она прямо им под нос – уже не успели. А мы... Эх! – Он швырнул зажигалку в глубь подвала.

– Спокойно, – сказал Мастер, поднося ему огня. – Вы что, приняли ее за человека?

Хунта прикурил, благодарно кивнул, выпустил клуб дыма и сказал с невероятной горечью:

– Да нет! Понимаешь... Двигается она очень быстро, но уже не по-человечески, боком как-то. Просто тварь проклятая весь двор перепрыгнула ровно за секунду. И палили мы в основном ей в спину, когда она в тоннель нырнула. Мы просто оказались не готовы, понимаешь? Ну... К тому, что она так может. И собаки тоже – не готовы. Только Кучум ее учуял, по-моему. Но она, наверное, долго над ними на крыше сидела. Вот он ее и заметил, а шухер поднять уже не успел.

– Почему ты думаешь, что заметил? – спросил Мастер, снова надвигая кепку на глаза и тоже закуривая.

– По ситуации. Так могло получиться, только если бы он повернул голову и задрал морду к небу. Просто вывернул шею, не двигаясь с места. Я это за ним замечал. У меня Султан так же делает, когда ему нужно заглянуть за спину и вверх.

– Ну и что?

– Ну, и попало ему прямо в пасть...

– Что?! – рявкнул Мастер так, что Хунта отшатнулся. Собака рванулась вперед, готовая отгрызть Хунте все, до чего дотянется. Ошейника на ней не было, и Мастер придержал ее за холку.

– Как это – что? – удивился Хунта. – Рука...

– Какая рука, ты, чучело?!

– Ну, я х...ею, дорогая редакция! Я думал, я с этого начал... Короче... Тьфу! – Хунта крикнул и сморщился. – В общем, – поправился он, – Кучум у твари руку отгрыз. Кисть руки – откушена напрочь. Представляешь? Вот силища!

– Когда тебе позвоночник сломают, – не то объяснил, не то пообещал Мастер, – ты и кирпич разгрызешь. Карма, успокойся. Дядя хороший. Глупенький, но хороший. Дядя испугался, растерялся и забыл нам самое главное сказать. – Мастер присел на корточки, обнял собаку за шею и уткнулся носом в ее мохнатую рыжую гриву. Карма открыла пасть и высунула язык. Глаза ее затуманились.

– Ты думаешь, я испугался? – спросил Хунта. Именно спросил.

Несколько секунд Мастер задумчиво молчал. Потом он отпустил Карму, выпрямился и посмотрел Хунте в глаза.

Стоя в лунном луче, они отчетливо видели лица друг друга. Хунта, старший «мобильной группы Два», отличный тактик скрытой облавы, настоящий снайпер, фанатичный собачник – русая челка из-под шлемофона, близко посаженные хитрющие глаза, хищный острый нос, тонкие нервные губы... Мастер сунул кепку в карман и взъерошил волосы затянутой в перчатку рукой. «Давай, старик! – молил Хунта взглядом. – Я ведь знаю, как подвел нас. Эта тварь настолько отличалась от всех предыдущих – она была почти живая. И вот ее-то я взял и упустил. Тебе виднее со стороны – скажи мне, что теперь делать».

– Я не думаю, что ты испугался твари, – сказал Мастер. – С какой стати? Ты другого побаивался – вот этого нашего разговора. Вон, даже Султана наверху оставил... И очень зря. Нечего из меня большого начальника делать, а из себя маленького подчиненного корчить. Не в армии, слава богу. А что насчет твари... Ну, жалко. Ну, обидно. А может, оно и к лучшему, что упустили. Насмотримся еще на таких. Между прочим, я бы ее точно испугался. Я ведь давно уже жду такую тварь. И заранее боюсь. Потому что очень хорошо представляю, какие проблемы начнутся, когда их станет много.

– Рассказал бы... – протянул Хунта почти осуждающе.

– Думаешь, вместе бояться веселее? – усмехнулся Мастер. – Я лично привык в одиночку. Опыт у меня богатый по этой части.

– Не хочешь – не надо, – надулся Хунта.

– Рано еще, – мягко сказал Мастер. – Что я тебе скажу? Одни туманные предположения. Ни я, ни даже Доктор – ничего конкретного пока нет. Вот, теперь есть рука... кстати?..

– Да, да, да, – закивал Хунта. – Полная консервация по всей форме. И я еще забыл, дубина такая, – я же Доктора вызвал. Ты прости, старший, я все делал на автомате – как в тумане...

– Ты молодец, – сказал Мастер. – Ты правильно решил. Пусть Доктор тут на месте принохается как следует. А знаешь, отчего тебя этак перекосило?

– Ну? – Хунта недоверчиво глянул исподлобья.

– Ты у нас лучший стрелок. Я, если промажу, всегда могу оправдаться – мол, зрение не то, реакция так себе, практики не хватает... А ты сегодня репутацию подмочил. Вот и ходишь как оплеванный, волосы на заднице рвешь...

Хунта тяжело вздохнул.

– Все! – приказал Мастер. – Рука есть – и хватит. Целую тварь в следующий раз подстрелишь. А сегодня виноватых – примерно наказать. Боцмана отдельно. Все-таки есть предел, дальше которого разевать варежку нельзя. Ветеран хренов... Будет стоять «на фишке» и учиться следить за крышами. Ясно?

– Ох, худо мне... – объявил Хунта, запрокидывая голову и потягиваясь. Он нервно зевнул, передернулся всем телом, перевел глаза с потолка на Мастера, потом на Карму и расплылся в улыбке.

Мастер тоже посмотрел на собаку, которая давно успела усесться и на протяжении всей беседы тупо глядела Хунте на ботинки.

– Очаровашка, – промурлыкал Хунта. – Всегда любил рыженьких и плотненьких.

– И с вот такими зубами...

– И с вот такими хвостами...

– Хватит скалиться, кокетка! – прикрикнул Мастер на расплывшуюся в улыбке Карму. – Это она с виду такая хорошенькая, – объяснил он. – А на самом деле – наглая бабища. Вы просто ее толком не понимаете. У вас во «Второй» одни кобели, и у всех мозги набекрень. Конечно, ты смотришь на мою девочку и думаешь, как с ней, наверное, легко и приятно. А ничего приятного нет, доложу я тебе. Кошек угробила столько, что весь фюзеляж в звездочках... И немца одного чуть не задавила.

– А, это тот кобель, что на тебя кинулся? – вспомнил Хунта.

– Угу. Совершенно больной. Любимое занятие – других собак за задние лапы прикусывать. Я помню, одна тетка его хозяину на площадке сказала: «Не знаю, молодой человек, какая обстановка у вас в семье, но собака у вас двуличная...»

Хунта разразился нервным лающим смехом. Карма подняла морду и посмотрела на него с явным неодобрением.

– В Лагерь тебе пора, – сказал Мастер. Он отстегнул от пояса шнур, идущий к рукоятке оружия, приладил освободившийся конец к стволу и забросил громоздкую железяку за плечо. – Давно пора.

– Да ну... – сморщился Хунта. – Что я, увечный, что ли? И пес мой в порядке... – Он вдруг запнулся, невольно сделал движение в сторону подвального окна, поймал изучающий взгляд Мастера и, окончательно смутившись, топнул ногой и отвернулся.

– Вот именно, – кивнул Мастер. – Ты совершенно прав.

– Так я побежал? – с надеждой в голосе спросил Хунта.

– Вместе пойдем. Ты здесь уже верных пять минут, и хоть бы хны. Так постой уж, милый друг, еще минутку. А там и без тебя обойдутся.

– И то, – согласился Хунта, вконец запутавшийся в раздиравших его противоречиях. – Там Крюгер согласно регламенту...

– Да какой еще регламент?! – простонал Мастер, весь сморщившись. Он снова присел на корточки и положил руку Карме на плечи. Карма тоскливо зевнула. – Все наперекосяк... Сенсы ослепли, собаки психуют, охотники тормозят, во двор пролезет только одна машина, а начальник всего этого бедлама со мной тут чешет языком! И главное, все никак сказать не может, зачем пришел... Знаешь, Хунта... – Мастер задумался. Хунта почтительно молчал. – Ты и представить себе не можешь, до чего же я не хочу отсюда вылезать. Сидел я в этом вонючем подвале и наслаждался покоем. И об одном мечтал – хоть бы тварь пришла сегодня попозже. Тишина, уют, собака рядом, в руках пульсатор, за спиной – угол. Ничего больше не надо – только знать, что со мной друг и я могу себя защитить. Когда вы там, наверху, палить начали, я чуть не прослезился – так вы меня обломали...

– Нелегко тебе, – посочувствовал Хунта.

– Нет, – покачал головой Мастер, глядя на Хунту снизу вверх и слегка поглаживая Карму по плечу. – Это смотря от чего отталкиваться. Если взять за точку отсчета, например, Карму, то мне действительно туго приходится. А если посмотреть на тебя, я еще легко отделался... – Говори, зачем пришел! – Мастер пружинисто распрямился и шагнул к Хунте вплотную. – Ну?!

– Шас, – пообещал Хунта. – Противогоз только надену...

– Я же тебя насквозь вижу!

– Это еще запишите насчет рентгена, пожалуйста.

Дискуссия понеслась с пулеметной скоростью. Карма встала и озадаченно уставилась на людей. Хвост ее расслабленно повис, доставая, четко по стандарту, до скакательного сустава.

– В Лагерь, лечиться! – рычал Мастер.

– Только трупом!

– А битой тушкой не хочешь?!

– Сам ты шизофреник! – припомнил Хунта какой-то давний спор.

– Я – маньяк! И еще я старший Школы! И мне виднее, кто в порядке, а кто нет! Ты почему без собаки пришел, а? Куда Султана дел? Привязал, что ли? О-хот-ник!!! До ручки себя довел, от собственного пса уже прячется, а туда же – права качать!

– Он наказан!!! – заорал Хунта в полный голос, замахиваясь на Мастера сигаретой. Дальше все произошло за доли секунды: Хунта совершил глубокое волнообразное движение бедрами, словно танцуя ламбаду; Мастер рухнул на колени; Карма, взревев, принялась яростно вертеть задом, пытаясь вырваться из захвата, в который попала ее шея.

– Фу! Фу! Фу! – каждое восклицание Мастера сопровождалось нажимом на загривок, от которого Карма въезжала носом в удачно подвернувшийся сугроб. Хунта наконец-то смог закурить. Спецкань его брюк была очень прочна сама по себе, да еще и прошита сеткой электрообогрева, – но то место, куда Карма нацелилась, было Хунте по целому ряду причин особенно дорого. Кроме того, кусать живого человека Карме не полагалось. Собака, как всегда, прыгнула молча. Хунта ее вообще не заметил – он просто шестым чувством ощутил, что в районе его гениталий что-то происходит, и инстинктивно отклонился. «Нет, что ни говори, кавказская овчарка – это полный вперед. Детям не игрушка».

Подумав так, Хунта тихонько вздохнул. Однажды такой вот крокодил спасет тебе больше чем жизнь. Избавит тебя от самой жуткой участи, которая может выпасть человеку. Возможно, ценой собственной шкуры. Хунта уже и счет потерял, сколько раз мгновенная реакция Султана, внешне полного флегматика, выручала охотника – и бледно-голубая молния из пульсатора размазывала скребущую когтями тварь по подвальной стене... А вот сколько раз псу случилось заслонять хозяина телом – это Хунта знал хорошо. Все непосредственные контакты собаки с тварью заносятся в специальную карту, где проставляется балл. Примерно на метр вокруг твари – «активная зона», поле, оказавшись в котором все живые – еще живые – стремительно теряют энергию. Чем ближе ты к твари, тем быстрее ослабнешь и рухнешь. Позволишь схватить тебя за руки – полминуты, и уже не откачают, даже если удастся отбить тело. А если она сунет тебе когти под ребра... Впрочем, тело все равно постараются отбить – будут драться, как за живого.

Мастер в углу методично отвешивал Карме щелбаны. Карма мотала головой и, подпрыгивая сразу на всех четырех лапах, передними норовила заехать папочке в нос. «Все-таки на некоторые вещи ум у собак очень короткий», – подумал Хунта, глубоко, с наслаждением затягиваясь. Умница Мастер, перевел мордочкой в игру. Снимает Карме напряжение, переориентирует реакцию. Правильно. Накажи такую своевольную зверюгу, как кавказка, и отпусти – она тут же захочет проверить, не передумал ли ты, и кинется снова. Из-за этого кавказских овчарок некоторые интеллектуалы обзывают тупыми. Отнюдь. Считая животное ограниченным, ты просто не хочешь потрудиться и оценить происходящее с его позиции. А уж наших собак

понять... Это уже второе поколение сумасшедших псов, которых безумные хозяева заставляют делать то, на что не способны сами.

«Без собак нас всех давно бы съели, – думал Хунта, затапывая сигарету и вешая оружие за спину. – Что ты еще придумаешь, когда против тебя – самое ужасное чудовище, которое только может представить человек? Извечный наш людской кошмар, от одного вида которого отнимаются руки и ноги... Как без собаки догнать его и обездвижить? Как засечь в кромешной тьме неподвижное существо, имеющее температуру окружающей среды? Как сделать еще множество необходимых вещей, требующих входа в активную зону? Ведь ни одна секунда, проведенная рядом с тварью, не проходит бесследно. Секунды эти копятся, организм борется с «энергетической усталостью» до определенного предела, а потом ты начинаешь то и дело падать в обмороки, и наваливается апатия, и, когда ты совсем загибаешься, тебя прогоняют в Лагерь отдыхать. А то и просто увозят...

И вот, чтобы ты загнулся как можно позже, у тебя есть любимая собака. Ее задача – обнаружить тварь, сбить с ног и удержать на месте, пока ты не придешь и не выстрелишь... Да, мы бережем собак. Но собаки тоже берегут нас. И я отлично понимаю, что Султану плачу по счетам Чака, который погиб, защищая меня. Скупое плачу, наверное. Маловато. Хотя так «очеловечивать» пса, как это сделал Мастер с Кармой, – номер рискованный. Но ведь у Мастера тоже есть наверняка свои долги...»

Султана Хунта не привязывал. И про наказание он действительно наврал. Султан даже успел дернуться, когда тварь на полном ходу вылетела из-за угла, – но только дернуться. Зато потом его пришлось за задние лапы вытаскивать из дыры, куда нырнула тварь головой вперед. А после, немного придя в себя и всех расставив по местам, Хунта не стал посылать никого за Мастером, державшим отдаленную точку, а пошел лично – виниться и падать в ноги. И надел на Султана ошейник, и дал поводок своему напарнику Зигмунду, которого Султан уважал настолько, насколько вообще кавказка в силах терпеть кого-то, кто ей не хозяин. Дал поводок символически, чисто поддержать, а не держать, потому что Зиг дохлый и такого слона, как Султан, все равно не остановит. Но рядом сидел понурый Джареф, которому Зигмунд надрал уже черную задницу за нерасторопность, и Султан все понял, лег в сугроб и принялся валяться, потешно дрыгая лапами. И уходя за ворота, Хунта всей спиной, превратившейся вдруг в одно большое ухо, слушал «хлоп-хлоп-хлоп» отлетающего с серой шкуры снега. Пес отряхивался долго и с удовольствием, и Хунта в каком-то болезненном, спазматическом, до стоны, откровении вдруг осознал, что измотан до предела. И больше всего на свете хочет сейчас оказаться дома, уткнуться жене носом в грудь и залиться горячими слезами.

«Ленка будет целовать меня в мокрые глаза, и гладить по голове, и шептать: «Саша, Сашенька, ну что ты...», и еще про то, что она рядом, она мне верит, она ради меня на все готова... А я буду думать только о том, что она чахнет на глазах, потому что охота изнашивает ее вдвое, втрое сильнее, чем меня самого. Господи, если ты есть, – подскажи: как жить дальше? И суждено ли нам всем, людям, жить вообще?...»

Хунта шел вдоль стены магазина, бухая по льду громадными башмаками с обогревом и принудительной вентиляцией, а руки его автоматически отдавали команды: эту машину сдвинуть; Петрович, стой, где стоишь; сенсы все – к бригадиру; ты, дубина, почему еще здесь? давай-давай, быстро-быстро... «Как же я устал! Чудовищно, невообразимо устал. Вот сейчас Мастеру и скажу – все, дружище, п...ц. Хватит с меня. Сколько нам осталось – лет десять? Двадцать? Пусть. Только дайте мне этот остаток прожить по-человечески. Все, я ухожу. Навсегда. Домой. К жене».

Он действительно хотел сказать это. Но получилось все наоборот. Войдя в подвал, Хунта сдвинул шлемофон на затылок, отбросил волосы со лба и взгляделся в радующую глаз картину: старинный друг Мастер и рыжая красотка Карма. Мастер внешне спокоен, а в действительности очень взволнован – он ведь слышал выстрелы. Пульсаторы трещат негромко, но в такой

полосе частот, что мертвый вскочит. Или, скорее, рухнет. Вспомнив, что сегодня-то никто не рухнул, Хунта отчасти спустился с небес на землю. А заглянув Мастеру в глаза, чуть не помер со стыда. Мысли о семейной жизни ушли на второй план, на их место встала проблема дурацкого промаха по этой – такой нужной Доктору для опытов – твари, и пошло-поехало. Старший «группы Два» подсобрался, вспомнил, кто он есть такой, и думать забыл о личных проблемах.

Дожидаясь, когда Мастер решит, что Карма утихомирилась, Хунта пытался вспомнить, почему не взял с собой Султана, – и никак не мог. Возможно, оценить ситуацию ему помогли бы воспоминания о дилемме «семья-работа». Но такой дилеммы больше не существовало. В личной жизни Хунта был безупречно счастлив, а работу ценил и бросать не собирался. И он уже скучал по Султану.

– Ладно, – сказал Мастер, вставая во весь рост и поправляя сбившуюся набок портупею. – Поползли?

– Поползли, – кивнул Хунта.

– Неохота?

– Почему?!

– Да так, показалось...

Хунта только фыркнул в ответ и бодро зашагал по коридору к выходу из подвала – навстречу поземке и служебным обязанностям.

* * *

Из-за угла вышел Бенни, бригадир сенсов. Из-под мышки у него торчал обрез курковой охотничьей двустволки. Переломить ружье Бенни, конечно же, забыл.

Сенс уткнулся стволами в живот Китайцу и сказал:

– В подвале чисто. Зови технарей.

– Абрам, проверь, – сказал Китаец. – Вот отсюда заходи.

Нескладный голенастый Абрам ухватил за холку своего Шерифа, такого же высокого и костлявого, и оба они вихляющейся походкой двинулись к дыре погрузочного люка. Китаец направил в темноту ствол пульсатора.

– Я же сказал, там чисто, – вяло повторил Бенни Китайцу в спину.

Шериф сунул голову в люк, громко засопел, чихнул и попятился. Хвост его весело торчал в небо. Абрам с Китайцем переглянулись. Китаец, чертыхнувшись, включил подствольный фонарь. Абрам согнулся в три погибели и, кряхтя, полез в тоннель. Наконец он уселся на уходящую вниз ленту транспортера, развернул свой пульсатор вниз и сказал Китайцу, который свободной рукой придерживал его за воротник:

– Ну, я пошел в кино.

– Фонарь, фонарь, – напомнил Китаец.

– Склероз, – вздохнул Абрам. Он нажал кнопку, и из-под ствола вырвался яркий желтый луч. Бенни сплюнул и презрительно отвернулся. Шериф, щурясь, смотрел хозяину в затылок.

– Гоу, – сказал Китаец и отпустил руку. Абрам провалился в люк и с хрустом заскользил по транспортеру. Через несколько секунд послышался характерный звук приземления – гулкий хлопок подошв и короткий матерный возглас.

– Есть касание, – сказал Китаец удовлетворенно.

– Ну, бобслей! – глухо донеслось из тоннеля. – Шестой, я Пятый!

В левом ухе Китайца что-то зашуршало. Шериф отвернулся от люка и недоуменно посмотрел на охотника. Китаец тихо ругнулся, выдернул из уха динамик, повисший на тонком шнуре, и заорал в тоннель:

– Не берет, зараза! Фон сильный! Погоди, я спущусь!

– Не надо! – крикнули снизу. – Тут тесно очень! Со стволом хрен развернешься! Я один как-нибудь...

– Может, тебе пса сгрузить?

– Нет! Тут крысы... Щас, я быстро пройду до дырки, и обратно... Коридор узкий... – Голос Абрама постепенно глож, видимо, он сейчас медленно продвигался в глубь подвала – опасливо прижимаясь к стене, освещая дорогу наплечным и подствольным фонарями и обильно потея. Шериф отошел от люка и направился к Джону, который лежал рядом в сугробе, облизывая громадную сосульку. Проходя мимо Бенни, Шериф так наподдал ему плечом, что сенс пошатнулся и ухватился за стену.

– Не надо так, – сказал Бенни Китайцу, потирая ушибленное Шерифом бедро. – Я же сказал: в подвале чисто. Дырка не дышит. Я ее чувствую, она не сместилась и вообще больше не откроется. Тварь прошла в нее и заперла за собой. Они же понимают, что мы ее найдем и заглушим...

– Переломи обрез, – сказал Китаец. – И не хнычь, борода. В нашем деле сенс – как сапер, два раза не ошибается. Тебе повезло, что все остались целы. А то бы ты сидел теперь в поликлинике и лечил бабушек от гипертонии. И морда у тебя была бы... очень побитая.

Бенни сдвинул рычаг, и стволы обреза раскрылись, заблестев латунью гильз.

– Мне можно верить, – с нажимом сказал он. – Я ведь даже не ошибся... Я просто недоглядел. И это было далеко. Я дырки чую метров за пятьдесят, не больше. А потом, так раньше никогда не было – чтобы в одном углу дырка и в другом – тоже дырка...

– Такого, как сегодня, тоже раньше не было, – отрезал Китаец. На Бенни он вообще не смотрел, а наблюдал, как Шериф стоит над Джоном и жадно глядит на сосульку, которая с каждым взмахом длиннющего языка становится все тоньше. Рация Китайца время от времени задуханно хрюкала – вероятно, Абрам матерится там, в подвале, во весь голос. Подвал длинный и тесный. И, конечно же, никого там нет. Но Бенни нужно проучить. Китаец вспомнил, что случилось три дня назад в ТОМ подвале, и поежился. «Если бы не псы... Если бы не их чутье – или что-то большее, пришедшее с опытом, что ставит наших собак почти в один ряд с сенсами, – это был бы конец. Может, именно нас с Абрамом ловили бы сейчас по подвалам, синюшно-бледных, безглазых, несущих смерть... Бенни недоглядел. А если бы мы недоглядели? Псы лежали бы в могилах в Лагере. Мастер поставил бы два креста: «Джон III» и «Шериф». А у нас с Абрамом не было бы даже могил...»

Китаец повернулся лицом во двор. Грузовик с надписью «ТЕХПОМОЩЬ» на борту кунга стоит с погашенными огнями. Кучума уже упаковали в пластиковый мешок. Мастер и Доктор присели на корточки над аптечкой и что-то внимательно разглядывают. Руку, наверное, которую Кучум отгрыз у твари. В глубине двора с пульсатором наперевес застыл Боцман, напряженный и злой, готовый стрелять, – несет службу. А вот его Сильвер явно забавляется – толкает хозяина лапой, давай, мол, папа, играть. Он-то точно знает, что ни одной твари поблизости нет и стоять на шухере совершенно ни к чему. Мастер это тоже знает. Но Боцман наказан и теперь честно отрабатывает, что положено. В Школе взыскания налагаются редко, а уж в «группе Два» – и подавно. Даже сегодня Боцмана наказали по совокупности – и за прошлый раз, и за позапрошлый. Устали все зверски и обленились поэтому. Еще месяц назад здесь, во дворе, был бы чистый муравейник. А теперь хоть не смотри. Во всей зоне расчистки четыре охотника, убитый горем сенс, два трусливых фельдшера и пять собак, из которых одна – труп. Техников не считаем, они в бою никакие. Доктора беречь надо. Бардак. У Мастера челка – как у бобтейла, аж глаз не видно. Красавец мужик, но за собой не следит вообще. Третий месяц подстричься не успевает. Плохо он, видите ли, не хочет, а хорошо – времени нет, потому что гораздо важнее отоспаться и водки попить. Саймон стал на себя не похож. Зигмунд считает, что Саймон заболел. «Нужно что-то делать, – подумал Китаец, – иначе скоро нам каюк. Я чувствую, что

надвигается беда, но пока не знаю, как ее предотвратить. Вечером Мастера вызывают в Штаб. Хорошо бы потом с ним поговорить. Но что я конкретно ему скажу? Что мне страшно?..»

В арке заурчало – во двор протискивалась необъятная корма «Рэйндж Ровера». Фельдшеры с натугой поволокли к ней мешок с телом Кучума. Бенни сидел у люка с обрезом на коленях, курил и наблюдал, как фельдшеры пытаются затолкать мешок в багажное отделение, из машины на них злобно скалится Хасан, а Саймон, протолкавшись между стеной и машиной, шипит сквозь зубы: «Легче, легче, мать вашу, людей небось так не кантуете...» Фельдшеры сдавленными голосами бормочут, что человека-то они давно пополам сложили бы, а Кучум – не собака, а лошадь какая-то, и Саймон уже примеривается дать ближнему из них в лоб, но тут появляется Карма, которая, как всегда, пришла разбираться и наводить порядок, и мешок вдруг оказывается в машине, а фельдшеры – посреди двора. Саймон, отдуваясь, захлопывает дверь и сигналил Мастеру рукой. Мастер кивает, и Саймон исчезает в арке. Через три часа он будет в Лагере, и Кучума похоронят со всеми соответствующими почестями. Бенни поднял глаза на Китаеца. Китаец пристально сверху вниз рассматривал сенса, и Бенни весь съежился – такая волна ненависти обрушилась на него.

– За что ты меня так не любишь? – с трудом выдавил из себя Бенни. И тут же понял, что знает ответ.

– Ты ведь нас чуть не угробил, – сказал Китаец ласково. – Ты ведь, сука такая, чуть было нас не похоронил...

– О, господи... – пробормотал Бенни и отвернулся. – Ты хочешь, чтобы я подал рапорт?

– Не знаю, – сказал Китаец. – Но мы вряд ли теперь сможем работать с тобой в одной смене. В принципе я знаю, что ты не виноват. Но кто же тогда виноват, бляха-муха? Ты меня понимаешь?

Бенни прикурил новую сигарету от окурка.

– Твари, – сказал он. – Твари виноваты. Они всегда на шаг впереди. Не дают нам ни дня передышки. Я тебя понимаю. Я тебя еще и чувствую, не забывай. Я, конечно, сенс дерьмовый, но все-таки я сенс. Я попрошу Мастера перевести мою бригаду в другую смену. Но он этого, кажется, не хочет.

– Мастер умный, – сказал Китаец. – У-у-умный. Но тут он здорово рискует.

– Зато он точно рассчитал, что теперь, работая с тобой, я ни за что не ошибусь. Никогда.

– Поглядим. – Китаец помолчал. – Я Мастеру не скажу, конечно, что ты сегодня пьяный. И Абрам не скажет. Мы тебя, ясное дело, ни хрена не чувствуем, но зато мы тебя понимаем.

– Спасибо... – прошептал Бенни.

Безучастно стоявший в стороне Шериф неожиданно встрепенулся и, отчаянно молотя хвостом воздух и приседая на задние лапы, прыгнул к люку. Он даже полез было внутрь и при этом врезал Бенни хвостом по физиономии. Бенни не удержался на корточках и боком опрокинулся в сугроб. Шериф тихо завывал. Китаец осторожно пнул его в бедро, но пес не унимался.

– Пятый, я Шестой! – заорали снизу. – Хмырей зови! Ну, там и едрена катакомба! Кабеля метров сто нужно!

– Понял, понял! – крикнул в люк Китаец. – Тут у псины твоей припадок! Дорогу загораживает и песни воет!

– Фигня! – крикнул Абрам. – Шериф, сынок! Папа тебя любит!

Шериф радостно гавкнул, заполнив тоннель звуками артиллерийской канонады. Китаец повернулся было к техничке, но Мастер уже сделал Боцману знак, и тот въехал прикладом по борту фургона. Отворилась дверь, на улицу из нее повалили облака пара.

– Чего? – спросили из технички опасливо.

– Балалайку свою вынимай! – рявкнул Боцман, оттаскивая за шиворот Сильвера. Не только собаки, но и люди почувствовали, как вместе с паром из технички вырвался поитель-

ный запах дома. Там было тепло, даже жарко, там был горячий сладкий кофе, свежий хлеб и нарезанная щедрыми ломтями дешевая колбаса. А водки не было. Техники явно не хотели быть биты. Еще неизвестно, кого они боялись сильнее – тварей или охотников.

Из двери технички поспешно выпрыгнули двое в зимних танковых комбинезонах, откинули в борту лючок и потянули из него кабель со здоровенной насадкой на конце, похожей на наконечник пожарного шланга, только с рукоятками по бокам и маленькой приборной доской, светившейся в темноте зеленым. В недрах машины зажужжал моторчик, кабель толчками полез наружу. Техники подошли к люку транспортера, и Китаец молча показал им через плечо Шерифа пальцем вниз. Техники замаялись – Шериф загораживал дорогу, – но Китаец снова осторожно толкнул пса башмаком, тот оглянулся и неохотно отошел в сторону. Техники с похоронными лицами протолкнули в люк свою пушку и неуклюже полезли за ней следом.

Китаец хихикнул. «Каждый раз они идут к дырке, как на заклятие. Мы их, ясное дело, презираем и смеемся про себя. А ведь однажды, не дай бог... Фу, даже подумать страшно. Мастер как-то намекнул, что одна из задач Техцентра – расстрелять Школу, если на ее территории случится массовый прорыв тварей». Китаец поежился, вспомнив тот монолог. Нехорошие слова говорил Мастер. И, не дай бог, пророческие...

«Дурацкая ситуация, – говорил Мастер. – Не знаю, как выкручиваться. С одной стороны, Штаб – это наша «крыша», это деньги, спецпропуска, машины, оружие, само наше право на охоту. А Техцентр – это лучевые ружья и технички с их аппаратурой для расстрела «дырок» – тоннелей, по которым твари пробираются в наш мир. Нам нельзя грызться, мы обязаны сотрудничать. Но в то же время именно мы, охотники, стоим на острие главного удара. И в такой ситуации терпеть второстепенный статус Школы нет сил. Наши ветераны уже шестой год на охоте. Это наше дело, – тут Мастер заговорил вразбивку, с нажимом, – и дело это плохо. С каждым днем все хреновей и хреновей. Люди и собаки изношены. А начальство только улыбается и говорит – воюйте, ребята, дальше. Такое впечатление, что Штаб готов сдать игру. Не подключить новые силы, не поделиться технологиями, а именно сложить оружие. Я не нахожу иного объяснения действиям Генерала. Он видит, что охотникам все труднее с каждым днем, но ничего не делает. Из этого я заключаю, – сказал Мастер, – что нас ждут впереди довольно забавные открытия. Эпохальные, мать их так!» – «И какие?» – спросил Саймон сквозь музыку и рокот мотора. – «Не скажу», – ответил Мастер.

Саймон записал эту кассету обманом, спрятав диктофон под сиденье. Не будь он помощником и вероятным преемником Мастера, черта с два тот бы перед ним разоткровенничался. Нервы рядовых охотников Мастер всячески оберегал и сомнениями ни с кем не делился. А Саймону – рассказал. Три часа они тогда ехали до Лагеря, Мастер был за рулем и все три часа болтал. О живописи, кино, литературе – и о том, что ему удалось разузнать о гигантской организации, которую охотники называли Проектом и в которую входили четыре известных им филиала – Школа, База, Штаб и Техцентр... Саймон из записи настриг час интереснейшего текста и отдал кассету Зигмунду. Зигмунд с записью ознакомился и попросил разрешения дать послушать Хунте. А Хунта отозвал Саймона в уголок и устроил ему такую выволочку, что тот, несмотря на весь свой гонор и какой-то там пояс карате, чуть не описался, как оттрепанный за шкуру щенок.

Формально Хунта напомнил Саймону, что тот пока что числится в списках «группы Два» и передавать все разведданные, независимо от источника, обязан только старшему. Потому что только старший может определить истинную ценность этих данных и соответственно форму секретности. Это справедливо. Школа – фирма специфическая, от одного случайно брошенного слова могут приключиться большие неприятности, самая ерундовая из которых – паника, а самая поганая – самовольные действия рядовых. Охотники, как и их собаки, привыкли мгновенно принимать решения и действовать самостоятельно – короче говоря, чинить самосуд. Оружия у них вагон. Поэтому за передачу нефилтрованных данных третьему лицу неглас-

ный Устав Школы позволял из Саймона душу вытрясти. Так что Хунта повел себя грубо, и Саймон потом неделю ходил тише воды, ниже травы. Но был в этой беседе еще какой-то подтекст. Китаец, который сидел тогда за пультом дежурного по Школе, отлично видел, как Хунта «лечит» Саймона в углу вестибюля, только слов не расслышал. Он даже удивился, отчего это Хунта так резок с Саймоном, которого в свое время разве что с ложечки не кормил. И лишь много позже, когда все детали мозаики сложились в единый рисунок, он почувствовал, что в Школе, этом безупречно отлаженном механизме, происходит что-то действительно очень нехорошее.

А в те дни Хунта, оценив запись, дал ее послушать еще двоим: сначала – групповому аналитику Крюгеру, а потом – надежному парню Китайцу. Крюгер, как обычно, с ходу заявил, что давно до всего дошел своим умом. Его взяли за задницу и потребовали объяснить, какого черта он тогда молчал. Тут Крюгер всерьез задумался, принялся мямлить, и Хунта его отпустил. А Китайца попросил держать ухо востро. В какую сторону это ухо поворачивать, Хунта объяснить не мог или не хотел. Китаец принялся добросовестно следить и вычислять – и действительно засек некий странный процесс, в который были вовлечены несколько ветеранов из разных групп. Акция эта, скрываемая от прочих охотников довольно умело, явно планировалась и управлялась Мастером. И, что особенно удивило Китайца, – Саймон в ней задействован не был.

Это было полгода назад. А спустя три месяца Зигмунд сказал Китайцу, что Саймон нездоров. Квартальная профилактика на Базе показывала, что парень свеж как огурчик, – но Зигмунд только головой качал. И вчера, по пути в Школу, Саймон выстрелил в человека, который пытался сфотографировать на улице машину охотников. Если бы он просто захотел напугать или пристрелить фотографа – так на это у Саймона был за поясом «макаров». Но нет, он не поленился, три секунды потерял, зато открыл футляр и шарахнул прямо в объектив из пульсатора. Пока Фил и Петрович бежали до угла, из-за которого возник фотограф, их обогнал Кучум и галопом унесся за угол, идя на задержание. Но человек исчез, осталась только колея в снегу да куча стеклянной крупы, явно от бокового окна машины. Это уже точно была работа Кучума, но от него же слова не добьешься – собака все-таки. Выбор точки съемки указывал на профессионала с дорогой аппаратурой, поступок Саймона – на то, что охотник потихоньку сходит с ума. А сегодня уже и Кучума нет в живых, а у Фила сотрясение мозга и пробита голова, а Мастера вызывают в Штаб, и он, наверное, как раз сегодня попробует взять начальство за плотку. «Знать бы, какой рукой, – подумал Китаец. – Мастер умница, но он совершенно один. Он позволяет людям и собакам любить себя, но сам, кажется, любит по-настоящему только Карму. И год от года становится все злее и жестче».

– Ты заснул, Бенсон? – спросил Китаец.

– Нет, – встрепенулся Бенни. – Я слежу. Они уже совсем рядом с дыркой. И боятся, как всегда. Я мог бы их поддержать, но на таком расстоянии это невозможно. И дырка сильно фонит. А вот Абрам не боится... ему только противно. И он беспокоится, как тут Шериф.

– Ты это правда чувствуешь или просто сейчас выдумал? – спросил Китаец. – Чес-слово, если бы ты не находил дырки, я бы тебе ни за что не поверил. – Но я же их действительно нахожу... – сказал Бенни. И с горечью добавил: – Иногда.

– А вот Абрам тебе все равно не верит, – мстительно заявил Китаец. – Ни на грош. Он технократ. И не может представить себе прибор, работающий на коньяке.

– Ну и нюх у тебя, – сказал Бенни. – Это от общения с Джоном?

– От тебя нахватался. Сенсорию помаленьку.

– У меня наследственность тяжелая, – пожаловался Бенни, запуская руку в бороду, чтобы вытряхнуть сосульки. – Мне достоверно известно, что мой папочка меня зачал в период ломового запоя. У него тогда диплом отняли за деятельность, несовместимую с высоким званием советского врача.

– За фарцовку, что ли?

– За лесбиянство! – обиделся Бенни. – Папашка был мне не чета. У него поле было – во! – Бенни до упора развел в стороны руки. – А эти вшивые дырки он бы чуял за километр. Меня вот на Базе форсировали, и то толку – чуть, а он и так кого угодно насквозь видел! Ну и лечил людей помаленьку наложением рук, когда советская медицина не помогала. А потом какая-то гнида стукнула – лженаучные методики, все такое... Жалко, не дожил до наших дней. Хотя бы меня тренировал... Так, они там начали. Вроде порядок.

– Ну и ладно, – сказал Китаец. – Джоник, маленький, иди сюда. Нечего там валяться, простудишься!

Джон выбрался из сугроба и лениво побрел к Китайцу. Из-за тучи опять высунулась луна, яркая-яркая – Китаец со своего поста отчетливо видел, какой Мастер небритый и какие у Доктора круги под глазами. Доктору на вид лет сорок пять, не меньше. Старик. Говорят – самый мощный практикующий сенс в мире. Да еще и Доктор – в смысле доктор каких-то своих хитрых наук. Если верить слухам, ему стоит пальцем шевельнуть – все мы тут замертво попадаем. Но вот выдернули его из постели среди ночи – прискакал как миленький. Уважает. Знай наших.

Действительно, чересчур светло от этой луны. Обстановка во дворе раздражала Китайца. Боцман тоже явно нервничал. Охотники не любят удаляться от своих машин, они привыкли держать под боком медицинский фургон, и хотя бы один «Рэйндж» должен быть совсем рядом. Чтобы в случае чего использовать против твари старое народное средство: бампером под задницу и колесом на спину. А здесь еле-еле удалось втиснуть во двор технику. Еще охотники не любят рассредоточиваться. Но сразу после несчастья с Кучумом, когда стало ясно, что тварь ушла, Хунта и Крюгер увели почти всю «группу Два» по срочному вызову на другой объект. Теперь Петрович один караулит снаружи, у машин, а Боцман психует здесь, внутри. Когда человек и собака остаются без поддержки, то в бою это терпимо – в бою все сойдет, кроме севших аккумуляторов. А вот стоять в напряженном ожидании Боцман в одиночку не хочет, а Сильвер просто не будет. Поэтому Боцман нервничает, а Сильвер, кажется, сидя заснул. Дрянная ночь, дрянная организация. Плохо Дело – любимый термин Мастера – во всей своей красе.

Мастер и Доктор по-прежнему вполголоса беседовали, усевшись, как в сугроб, в кучу сгнивших ящиков. Фельдшеры хотели пристроиться рядом, но Мастер их прогнал на улицу, в фургон к Склифосовскому, «к клизмам и капельницам», как он выразился. Шериф лениво бродил по двору. Карма гордо восседала рядом с Мастером и делала вид, что принимает участие в беседе, – прядала обрубками ушей и переводила глубокомысленный взгляд с хозяина на Доктора и обратно. Мастер обхватил собаку за плечи и притянул к себе. Карма вылупила глаза, вывалила язык и возбужденно задышала. Любопытный Шериф тоже решил послушать, о чем говорят, и сунулся было к Мастеру, но Карма приподняла губу, и Шериф тут же отвалил, пошел общаться с Сильвером. Сильвер при его приближении зашевелился было, почти открыл левый глаз, но передумал. Шериф зевнул и поплелся к люку.

– Мастер! – тихо позвал Боцман.

– Да! – отозвался Мастер.

– На хрена я тут бдю? – поинтересовался Боцман. – Ведь тихо все, сам посмотри. У меня аж Сильвер заснул. – Тут Боцман поперхнулся и сконфуженно умолк. Ясно было, что с ответом Мастер не промахнется.

– Вот он спит, а ты бди!

– А если я его разбужу? – робко спросил Боцман.

– А зачем?

– Ну, допустим, чтобы он бдел, а я спал.

– Бдеть – это по твоей части, – веско сказал Мастер. – Тут ты во Второй рекордсмен. А вот бдить ты, я вижу, разучился. Раньше вроде бы умел, а теперь прямо и не знаю...

– Я же не нарочно...

– Тут лужа была на полдвора, – объяснил Мастер Доктору. – Через двор тварь бежала, а он по ней стрелял. Она знай себе бежит, а он, значит, стреляет. Говорят, светло было, как днем. Лед плавится, тварь скачет, а он в окне торчит, орет дурным голосом и из пульсатора молотит так, что дым столбом... – Боцман пытался что-то возразить, но Мастер просто слегка повысил голос: – Батарею посадил, ты не поверишь, до половины! Воды из снега вытопил цистерну! Чуть вот этот сарай, – Мастер ткнул пальцем в склад, – пополам не распилил. А может, и распилил. Как сейчас навернется стена нам с тобой на голову...

– Ладно, не заливай, – вступился за Боцмана Доктор. – Во всяком случае, растопить снег он не мог даже теоретически.

– Так я же не о том жалею, что ему снег растопить не удалось! Бог с ним, со снегом! Я тебе говорю, что он умудрился ни разу в эту погань не попасть!

– А где же остальные были?

– Представь себе, вот тут стояли, в углу, и тоже промазали!

– И долго это продолжалось? – спросил Доктор. – Двор узкий, особо не разбежишься. Как она двигалась?

Боцман хотел было объяснить, но Мастер его опередил.

– Отсюда – сюда, – показал он и тяжело вздохнул.

– Так это же секунды две...

– Меньше, меньше! – раздраженно сказал Мастер. – Но это наши лучшие стрелки. С полусотни шагов попадут в глаз летящей мухи. Все промазали. А грохот стоял – уши заложило. Пушки на максимальный разряд поставили. У каждого лазерный целеуказатель и отличный подствольный фонарь. Обстреляйся! Не попали. Что бы ты дал за вскрытие этой твари?

Доктор закусил губу. Видно было, что сейчас он соврет.

– Ну, у нас все-таки есть кисть руки... – протянул он. – Это совсем не плохо.

– Хочу целиком, – сказал Мастер. – Это была не обычная ходячая деревяшка. Эта гадость была почти живая в нашем понимании этого слова. Вопрос – зачем? Если у врага понятия о жизни и смерти никак не соотносятся с нашими – зачем ему такая живая штука? Во-первых, очень подвижная. Во-вторых, я так думаю, котелок у нее варит – будь здоров.

– Допустим, насчет «никак не соотносятся» – это ты хватил, – не согласился Доктор. – А потом, слушай... а если они в нее все-таки попали?

Мастер вопросительно посмотрел на Боцмана, который потихоньку, мелкими шажками, приближался, развесив уши и делая вид, что по-прежнему несет караульную службу. Сильвер с места не сдвинулся. Он дрых.

– Нет, – сказал Боцман. – Тут не ошибешься. Попал – упал.

– Принимая во внимание строение ткани... – начал Доктор.

– Ты хочешь сказать, – перебил его Мастер, – что такую квазиживую зверюгу пульсатор может и не взять?

– Как с тобой все-таки тяжело! – сказал Доктор. – Вечно ты все заранее обдумал!

– С каждым днем все хреновей и хреновей, – пробормотал Мастер очередное свое заклинание, опуская глаза. – Прости, но у меня есть совершенно четкие данные о воздействии пульсатора на живой организм.

– Что значит «живой»?! – Доктор ошутимо повысил голос.

– Человек. Не охотник, конечно. Посторонний человек.

– Ну?

Мастер обвел глазами присутствующих, криво улыбнулся и, повернувшись к Доктору, произнес четко, как на докладе:

– Точечный импульс стандартной мощности. Дистанция около пятидесяти метров, зона поражения – голова и плечи. Несколько минут – шок, около часа – нечто вроде сна. Затем

пришел в себя, координация движений ощутимо нарушена, но в трезвом уме и, что самое обидное, в здоровой памяти.

– Как же так вышло? – пробормотал Доктор.

– Пытался ночью на улице сфотографировать экипаж одной нашей машины. Ребята домой ехали, с оружием. Сразу после охоты. Сам понимаешь – условный рефлекс...

– Боже мой! – почти простонал Доктор. – И где он сейчас?

– Я думаю, в Штабе. И уверен, что скоро его тебе подсунут для промывания мозгов. Его и еще одного деятеля. Но, чую я, утечка будет.

– Ну, вы даёте, мужики! – покачал головой Доктор. – Что ж ты молчал?!

– Тебя Штаб вызывал?

– Нет, пока нет...

– Ничего, скоро вызовут. Убивать этих двоих резона нет. Значит, блокада памяти. – Мастер говорил легко и спокойно, будто лекцию читал. Доктор нехорошо глядел на него исподлобья. Лицо пожилого мужчины кривилось, как от зубной боли.

– Боже мой... – снова простонал он.

– Придется, – сказал Мастер. – Заставят. В конце концов, ты же не настоящий врач. Ты не связан клятвой Гиппократы...

– Я связан клятвой идиота! – рявкнул Доктор. – Я связался с бандой шизофреников и вот только сейчас начинаю понимать, как же я с вами со всеми попал! Ты думаешь, это очень весело – блокада памяти? Да это хуже, чем резать по живому без наркоза... Я себе, если надо, руку зубами отгрызу. А в другого нож воткнуть – нет уж, увольте. А такая агрессивная терапия – это хуже любого ножа! Сердце кровью обливается... Как же вы так, ребята, а? – Доктор посмотрел на Боймана, потом на Китайца, потом отчего-то на обрез у Бенни на коленях.

– Он сам наварлся, – сказал Мастер. – И поверь, он знал, на что шел. Только он рассчитывал, наверное, на пулю. А огреб кое-чего похуже.

– А ты-то с чего взял, что похуже? – спросил Доктор.

– Додумался.

Доктор снова обвел взглядом присутствующих. Он уже вроде бы успокоился, и в его глазах загорелся огонек пристального и не очень приятного интереса.

– Только ты додумался или кто-то еще?

Мастер скрежетнул зубами и сунул Доктору под нос кулак. Правой рукой он на всякий случай продолжал обнимать Карму, зная ее манеру приходить на помощь, даже когда не просят.

Высказаться Мастеру помешали. В недрах технички снова зажужжал моторчик, и кабель начал сматываться. Это было так неожиданно, что люди вздрогнули. Собаки даже ухом не повели.

– А?! – гневно спросил Мастер, тыча пальцем в сторону фургона. – Каково?! Вот отсюда мы поняли, что внутри кабеля есть и канал связи. Причем остаточный фон дырки его не колыхает. Наши рации до сих пор хрипят и пукают, а этим – хоть бы хны! Черт знает что такое. О собственном оружии ничего не можем выяснить... Хоть на собаках эксперименты ставь.

– На собаках нельзя, – сказал издали Китаец.

– Да это я так... – смутился Мастер. Он уже остывал. – Сгоряча. Действительно, зачем на собаках, когда людей навалом. Бегают, понимаешь, всякие с фотоаппаратами...

– Послу-ушай, – протянул Доктор. – Так ты это нарочно устроил! Экс-пе-ри-мен-татор! Да?

– Боже упаси! – Мастер конвульсивно перекрестился, чего за ним в Школе никогда раньше не замечали. – Но не нужно было этому репортеришке лезть куда не след, понимаешь?

– Это ты мне говоришь или себя уговариваешь?

– Вот уже... – Мастер посмотрел на часы, – двадцать один час я занят только тем, что себя в этом убеждаю. Я обязан защищать своих людей, даже если они совершают ошибки. Иначе конец охоте... Китаец! Ты что, обезумел?!

Китаец, который в этот момент крепил за край транспортера альпинистский шнур с узлами, затрясся всем телом, как пудель в ожидании взбучки.

– А-а что? – пробормотал он, поворачиваясь к Мастеру. В глубине тоннеля зашуршало – ползла вверх по ленте транспортера лучевая пушка. Шериф бросился к люку и, тихо завывая, вновь принялся исполнять свой приветственный танец, немилосердно колотя хвостом Бенни, который плевался и заслонял лицо руками.

– Когда Абрам туда спустился? – спросил Мастер тоном, от которого поежился даже Доктор.

– Д-двадцать минут...

– Когда ты ему шнур бросил?!

– Ой... – только и выдохнул Китаец. Он допустил одно из страшнейших нарушений техники безопасности. Независимо от наличия радиосвязи или присутствия экстрасенса, способного засечь местоположение и эмоциональное состояние находящихся внизу людей, первое и главное, что должен был сделать Китаец, отправив Абрама в подвал, – бросить ему веревку. Китайцу стало так нехорошо, так больно, так стыдно, что он даже и не понял, как очутился задом в сугробе, с расстегнутым воротом, а Доктор делал над его головой какие-то замысловатые пассы руками, и Бенни, тоже в нарушение инструкции бросивший пост, сыпал ему пригоршнями за шиворот снег. Подбежавший Мастер оттолкнул Бенни к люку, склонился над Китайцем и сунул ему в зубы горлышко фляги. Лицо у Мастера было такое, будто он вот-вот заплачет. Китаец испугался и послушно глотнул. Во фляге был коньяк, да еще какой!

Китаец глотнул еще, потом еще, потом флягу у него отняли, он часто-часто задышал, и вдруг из его глаз-щелочек бурным потоком хлынули слезы. Доктор что-то шипел Мастеру насчет «нервного истощения», перекошенный Мастер рычал ему, что «скоро всех поубивает». Китаец рыдал и утирался рукавом. Абрам стоял рядом на коленях и бормотал: «Что такое, что такое?» Джон тыкался в лицо холодным носом и глядел на всех бешеными глазами, ища обидчика. И посреди всего этого безобразия Шериф припер к стенке техников и не давал им шагу ступить. Карма, как всегда в трудных ситуациях, держала спину хозяина и высунувшуюся из двери технички испуганную физиономию встретила таким ревом, что бедолага просто рухнул внутрь фургона. А Карма встала передними лапами на порог и разразилась в адрес техника оглушительными проклятиями.

Не сплеховали только Боцман и Сильвер. Боцман вернулся на позицию с пульсатором наперевес, готовый устранить любую неожиданную опасность. Сильвер вообще остался сидеть, где сидел. Это была единственная собака в Школе (а может быть, и в мире), способная заснуть сидя. Вот он и дремал себе.

Спас положение, как всегда, Мастер. Правда, выбрав не самый деликатный прием. Однажды он таким образом затормозил грандиозную собачью драку – ровно на секунду, но за это время десять хозяев успели схватить за ошейники десятерых разъяренных псов. Мастер просто сжал кулаки и во всю глотку заорал:

– Стоя-я-я-ать!!!

Кажется, он хотел еще прибавить «Вашу мать!», но закашлялся.

Тем не менее обстановка разрядилась. Карма отскочила к хозяину. Абрам схватил Шерифа за охвостье. Доктор помог Китайцу подняться на ноги. Только Бенни остался стоять, опираясь плечом о стену, в позе человека, которого мучительно тошнит. В наступившей тишине оказалось, что он смеется, и слезы у него текут еще обильнее, чем у Китайца.

В техничке заворочались, и мрачный голос произнес:

– Мужики, вы все больны.

И тут словно открылся клапан – все, в том числе и прижавшиеся к стене техники, разразились гомерическим хохотом. Люди смеялись как ненормальные, держась за животы, отдуваясь, показывая друг на друга пальцами. Бенни упал. Китаец опять сел. Псы с радостным лаем прыгали вокруг – им явно понравилась такая перемена обстановки. Вакханалия продолжалась несколько минут, пока наконец Мастеру не перехватило горло и он не замолк, задыхаясь. Постепенно стихли и остальные. Доктор грозно высморкался в громадный клетчатый носовой платок и сказал Мастеру:

– Напишешь заявку на внеочередную профилактику. Прямо в этом месяце. Потом всю Вторую – в Лагерь. Или я ни за что не отвечаю. Ты людей загнал.

– Да пош-шел ты! – весело ответил ему Мастер. – Пятый?

Абрам шагнул вперед и изобразил подобие строевой стойки.

– Свидетельствую полное гашение инородной активности согласно показаниям дисплея.

– Бенни? Бенсон, чтоб ты сдох! Хватит ржать!

– Порядок, Мастер, – пробормотал Бенни, все еще подхихикивая. – Готов подписаться.

Вывели начисто.

– А рация все фонит, – ввернул Китаец. – Ничегошеньки не слышно.

– Дальше будет только хуже, – пообещал Мастер. Он сунул руку за пазуху и вытащил маленький – в размер обычной кредитки – кусочек пластика. Старший из техников, крепкий еще пожилой мужик лет за пятьдесят, вскарабкался в свой фургон и через минуту вернулся с компьютером. Официальные лица уселись на ящики, точнее – провалились в них, и ввели свои коды в заранее подготовленный типовой акт. Копию старший техник сбросил Мастеру на его карточку. Мастер участвовал в этой процедуре в черт знает какой раз. Сначала – как член комиссии со стороны Школы, потом – как старший на объекте, и каждый раз его безумно раздражал компьютер Техцентра. Мастер никак не мог избавиться от ощущения, что этот суперноутбук, способный работать при любой температуре, любом давлении и любой влажности (в том числе и под водой), сконструирован с одной только целью – чтобы никому и никогда не давать повода заглянуть внутрь принадлежащего Техцентру фургона.

Мастер уложил карточку обратно в карман.

– Ладно, отцы, – сказал он техникам устало. – Желаю вам счастливого полета.

Техники молча кивнули и убрались. Ветхий на вид грузовик взвыл стартером и мгновенно завелся. Слышно было, что двигатель у него совсем не простой. Всего за несколько минут пропихавшись кое-как задом через узкую арку (охотники даже подпрыгивать стали от нетерпения), техничка бодро развернулась и, резво взяв с места, исчезла в ночи.

– Уходим, – тихо сказал Мастер. – Мы уходим. Я очень, очень хочу домой.

* * *

– Следующий вопрос, – сказал Генерал. – Тебе, мальчик, не кажется, что у нас слишком много вопросов к тебе накопилось?

– Это даже приятно, – ответил Мастер, сладко улыбаясь. – Обычно ведь у нас взаимоотношения сухие, черствые, товарно-денежные. А тут просто любовь какая-то...

– Ну-ну, – протянул Генерал. – Посмотрим, добьемся ли взаимности. Значит, вопрос номер два. – Он принял у Очкарика очередной листок и, прищурившись, начал его рассматривать. – Значит, так. Вчера в ноль пять пятнадцать техничка, возвращаясь с расчистки, обнаружилась за собой «хвост», о чем немедленно доложила. Водителю приказали уйти на запасной маршрут, и тут «хвост» отвалился. Замены «хвоста» не последовало. Вот такой вот инцидент. Интересно? – Генерал коротко глянул на Мастера и снова опустил глаза в свое донесение.

Мастер подвинул к себе пепельницу.

– Интересно, – сказал он. – А как это – «понял, что обнаружен»? Я в школе КГБ когда учился, до слежки не дошел. Меня раньше оттуда поперли за аморалку. Как машина слежения может понять, что ее засекли?

– Ты меня достал с этой школой КГБ, – сказал Генерал. – Все зависит от поведения объекта. Захочет он, чтоб «хвост» был в курсе, – сделает. Тут было наоборот. Технички водят мастера, у них рука не дрогнет, – а «хвост» взял и отвалился.

– Надо же! – Мастер аж губу выпятил в притворном изумлении. Нагло притворном. – А может, это и не «хвост» был вовсе?

– Человек крутит те «хвосты», на которые натаскан, – поучительно сказал Генерал. – Ты, например, под собачьи заглядываешь, а мы – в меру способностей, так сказать... В общем, поверь специалисту.

– Мне это так понимать, что меня в задницу послали? – осведомился Мастер. – Да еще и в пёсью? – Он прищурился и театральным жестом раздавил в пепельнице окуроч.

– Ты перестанешь издеваться? – спросил Генерал кротко.

– Нет! – рассмеялся Мастер. Некоторое время он противно хихикал, не открывая рта и переводя смеющийся взгляд с Генерала на Очкарика и обратно. Те с интересом изучали Мастера: глаза Генерала смотрели, как обычно, почти отечески, линзы Очкарика, напротив, блестели зловеще. Видно было, что он зол, но пока сдерживается.

– Простите... – пробормотал Мастер и прыснул в кулак. – Простите, но это правда как-то несерьезно. Был «хвост», отвалился «хвост»... Детский сад. Кому нужна ваша дохлая техничка с вашими мастерами, которые только в будке прятаться мастера, когда нас по подвалам заживо едят... Ну что за ерунда такая? И вообще, при чем здесь Школа?

– А при том, милейший, – ликующе провозгласил Очкарик, – что мы установили принадлежность машины-«хвоста»! – Очкарик так и сиял – он вбивал в Мастера слова, как гвозди, и даже чуть приподнялся над стулом. Щеки Очкарика залил румянец, а Генерал поедал взглядом Мастера. Тот мрачно уставился Очкарику в «третий глаз» – видимо, почуял вампира. Ничего в лице Мастера особенного не было, кроме брезгливого напряжения.

– Н-ну?! – победоносно спросил Очкарик. – Мне сообщить вам, сударь, чья это была машина?

Мастер отвернулся от Очкарика, плавным уверенным движением вытянул из пачки очередную сигарету и элегантно прикурил. Глубоко затянувшись, он выпустил несколько колец дыма и посмотрел в глаза Генералу. Генерал побагровел. Мастер был абсолютно спокоен. «Этот гаденыш битый час издевается над нами, – подумал Генерал, – разыгрывая какую-то собственную игру. Или? Никогда ведь не знаешь, что кроется за его выражением лица. Никогда не догадаешься, говорит он серьезно или шутит. Это за ним заметили еще в детстве и сразу внесли информацию в личный файл. Зар-раза!» Генерал был готов растерзать Мастера. Если бы Генерал был собакой, он бы его молча укусил.

– Я их накажу, – сказал Мастер сурово. – Я их очень больно накажу.

Генерал мгновенно расслабился, по инерции проткнул Мастера леденящим душу взглядом, склонил голову набок и послушно проглотил наживку.

– Нет, мой мальчик, – сказал он проникновенно. – Ты их ни в коем случае не накажешь. Ты просто скажешь мне их имена, а потом мы подождем следующей профилактики. И тогда на Базе этих типов распотрошат. Тебе это, конечно, неприятно, я понимаю, но ничего не попишешь. Ты должен понять – дело превыше всего. Сейчас, когда на карту поставлено будущее человечества, все, что нам нужно, – это резидентура противника. Вот тут-то мы и узнаем, с какого боку к ним подступиться и как нанести решающий удар. Один-единственный! И это будет расплата за все бессонные ночи, за всех погибших товарищей, за всех, кто пропал без вести на нашей земле! – Голос Генерала зазвенел, в нем уже слышался рев моторов и мерная

поступь колонн, уходящих по межпространственным тоннелям наносить решающий удар, а может, даже завоевывать!

– Ты ведь уже все понял, мой мальчик, правда? – спросил Генерал, опять глядя на Мастера глазами доброго папочки. – Ты понял, и я завидую твоей интуиции. Ты, главное, не расстраивайся. Конечно, это плохо отразится на твоей карьере, тут я ничего не смогу поделывать. – Генерал развел руками с выражением крайнего сожаления на лице. – Ты не знаешь наших чинуш. Они до сих пор оперируют теми же понятиями, что и при большевиках. Напишет такая гнида «утеря бдительности» – и все, никуда не денешься... Но мы тебя отвоюем – тут я тебе даю слово офицера... – Генерал только собрался было расписать Мастеру в красках, до чего тому станет хорошо, когда у него отнимут Школу, да так и замер. Потом он сообразил, что вообще-то стоило бы закрыть рот. Потом он до боли сжал челюсти. Теперь он готов был укусить Мастера, даже не будучи собакой.

Генерал достаточно хорошо разбирался в людях для того, чтобы не продолжать свою почувствованную тираду. Но он не был и настоящим прожженным интриганом, чтобы не озвереть.

– Все равно я их накажу, – улыбнулся Мастер.

Очкарик шумно сглотнул и поправил очки. Генерал судорожно рванул узел галстука.

– Давайте так, – предложил Мастер. – Я прекращаю всякие попытки добраться до Техцентра. Бог с ним, обойдемся как-нибудь. А вы мне за это сдадите вашего стукача.

Генерал и Очкарик явно очень хотели конвульсивно переглянуться – но выучка не позволила. В комнате повисла напряженная тишина.

– Ну что вам, жалко, что ли? – спросил Мастер. – Заведете себе нового, хорошего. Который не засветится. А этому, плохому, я кишки выпущу. Давно хочу человека убить.

Генерал и Очкарик все-таки посмотрели друг на друга.

– Цезарь вне подозрений, – хмыкнул Генерал.

– Очень жаль, – сказал Очкарик, опуская линзы. – Вы не поверите, каким кошмаром стал для меня этот молодой человек. У меня уже от него все чешется.

– А вот я его все равно люблю, – сказал Генерал. – Была бы у меня дочка – не глядя за него бы отдал. И ты на него не злись. Он просто не знает нашей специфики. Чего ему нас жалеть? Он, сука, благородный. Пачкаться не хочет. С собаками дружит, чтоб об людей не замараться.

– Ладно, – сказал Очкарик. – Переживем и это.

– Так мы договорились? – с надеждой спросил Мастер.

– Нет, – печально ответил Очкарик, по-прежнему глядя в стол. – У нас нет информаторов в Школе.

– А даже если бы и были, – поддержал его Генерал, – так мы своих людей не сдаем. Здесь тебе не ЦРУ.

– Невинную душу угробите, – предупредил Мастер. – Я ведь и ошибиться могу. А крови хочется.

– Не дури, – сказал Генерал. – Нету, сказано тебе. Нет и не было.

– Странно, – пробормотал Мастер, морща лоб и невоспитанно кусая ноготь большого пальца. – Слушайте, а может, все-таки не было «хвоста» за этой техничкой?

– Был, был, – вяло сказал Генерал, глядя на Очкарика. Тот, казалось, спал – очки книзу, лысина вперед. Мастер подумал, что в другой обстановке Генерал положил бы Очкарику на плечо могучую утешительную руку.

– А может, не мой это «хвост»? – не унимался Мастер.

– Фигушки, очень даже твой... – протянул Генерал, думая о своем. Он явно просчитывал какие-то варианты, чтобы поражение быстренько обратить в победу. «Черт возьми, они были так уверены, что задавят меня, – и не придумали ничего про запас! Вот, я же просто слышу, как у Генерала мозги скрипят! – Мастер понял, что все решают секунды. Еще чуть-чуть, и Генерал сообразит, как ему действовать. – Так, сейчас я спрошу, что за машина повисла на

«хвосте». Очкарик, миленький, ответь мне! Я тебя больше никогда не обижу. Я даже начну смотреть тебе в глаза. Скажи мне – «Приметная машина. Белая «шестерка», а дверь водителя черная. Номера, конечно, все грязью заляпаны». И тогда стукач у меня в кармане. Потому что он видел, как за техничкой ушла именно эта машина. А что через минуту она во двор свернула, этого никто не видел. Тут в курсе только мы с Лебедем. Я и так знаю, кто стучит. Но мне нужно последнее доказательство, потому что придется доказывать другим. Ведь сам я, какой бы плохой я ни был, до сих пор не могу первым ударить человека. Сначала он должен очень больно ударить меня.

– А какая она из себя была, машина на «хвосте»? – невинно поинтересовался Мастер. Голос, кажется, не дрогнул, но было поздно.

Очкарик механически открыл рот для ответа, но вдруг поперхнулся, словно от резкой боли в боку. На увеличенных очками глазах навернулись крупные слезы. Мастер грузно оперся о стол и отвернулся.

– Да не было ее, – сказал Генерал ласково, потирая под столом локоть. – То есть теперь мы знаем, что она была, и именно твоя. Мы на понт тебя взяли, а ты и попался, как щенок... – Особого торжества в голосе Генерала не чувствовалось. Видно было, что противоборством он здорово утомлен. В комнате стало просто душно от злобы. Мастер снова закурил. Он изо всех сил боролся с желанием рвануть на себя папку Очкарика, в которую вернулся листок донесения. Но тогда отношения с Генералом испортятся окончательно. А главное – листы были из плотной бумаги, и ни один из них Мастер не видел с лицевой стороны. Вполне возможно, что все они – пустые. Мастер отчетливо представил, как он выхватывает у Очкарика папку, а из нее на стол летят девственно чистые белые листы... и гаденький смех Генерала. Правильно ты сказал, Генерал. Благородный я. Пачкаться не хочу о тебя и твою контору. По самые уши в дерьме, но стою в нем гордо и непреклонно. И чинно так говорю: «Господа! Уши, уши хотя бы не замажьте!» – Мастер поморщился и коротко глянул на Очкарика. – Неужели Очкарику стыдно? Раньше он меня презирал, а теперь вроде бы стесняется».

– Продолжим? – спросил Мастер.

– Охотно, – согласился Генерал. – Что у нас там дальше? – обратился он к Очкарику.

– Вопрос о стукаче, – подсказал Мастер.

– Заткнись! – рявкнул Генерал. – И запомни, сынок, технички тебе не по зубам. У них есть запасные маршруты с ловушками, где твоих хреновых сыщиков разделяют под орех. Получишь их под расписку, упакованных в очень маленькую тару. И лично – лично! – сдашь родителям. Щ-щенки! А сам по миру пойдешь. Или посадим. Придумаем, за что. У меня рука не дрогнет. Ты же никто!!! – заорал вдруг, надсаживаясь, Генерал. – Тебе даже запрет на профессию не нужен – у тебя ее не-е-ет!!! Ты сдохнешь под забором! Ты что, до сих пор не понял, что ты никому, кроме нас, не нужен? Ты ботинки лизать должен мне и вот ему...

– Да пусть он ищет этот Техцентр, – вступил Очкарик. – Вот там-то его точно убьют. А не убьют – нам отдадут. А тогда он у нас вот где будет. – Очкарик сжал хилый кулачок. – Тогда-то мы на него уголовное дело и откроем.

Мастер покачал головой и цыкнул зубом.

– Я испуган, – сказал он.

– Ничего, – утешил его Генерал. – Сейчас не боишься – потом испугаешься. Когда поймешь, что шутки кончились.

– Надо бы вам заглянуть ко мне в Школу, – сухо сказал Мастер. – И прокатиться разок с парнями на расчистку. Это отбило бы у вас охоту угрожать мне.

– Я был на трех войнах, – отмахнулся Генерал. – Я видел такое... И вообще, это бесплодный разговор. Я не могу приехать в Школу. И я тебе не угрожаю. Я просто хочу поставить тебя на место.

– А я и так на месте, – сказал Мастер. – И заменять меня более удобным человеком не имеет смысла. Школе нужен Мастер, а не старший. Либо будет такой же, как я, либо никакой.

– Это мы еще посмотрим. В смысле – посмотрим на твое поведение.

– Нечего смотреть, – отрезал Мастер. – Я лучше знаю. И либо ваш информатор – тупица, либо вас просто не интересует атмосфера Школы. Конечно, с Базы вам могут передавать результаты тестов, психogramмы, всякую прочую муть. Но так вы никогда не поймете главного...

– Ну-ну, расскажи нам, отсталым, – скривился Генерал.

– Мы все больны, – сказал Мастер. Он глядел куда-то в стену между Генералом и Очкариком, и Генерал поймал себя на мысли, что вот сейчас впервые за всю эту мучительную беседу Мастер искренен и поворачивается к нему, Генералу, именно той стороной, которую Генерал видеть никак не хотел бы. Он отталкивал от себя это лицо, проступившее сквозь привычную маску Мастера, – слишком много на этом лице отпечатались боли и слишком легко его было полюбить...

– Хотим мы того или нет, мы ненормальны, – говорил Мастер. – Что делать, если раз в три дня, а то и через день, а то и неделю кряду ты сражаешься с тем, чего представить себе нельзя? Что противоречит твоим понятиям о мироздании? А в свободное время только об этом и думаешь? И никому, кроме таких же бедолаг, не можешь об этом рассказать... Потому что тебя для начала высмеют, а потом сочтут ненормальным. Интересное положение, да?

Мастер прикурил очередную сигарету. Пепельница была уже полна окурков с изжеванными фильтрами.

– А рассказать-то очень хочется, – продолжил Мастер, вздыхая. – Каждый раз, когда ты задумываешься о тварях, о дырках, о судьбе десятков тысяч людей, пропавших без вести, обо всей этой ненависти, тебя скручивает от боли и отвращения. Ты просто должен кому-то пожаловаться. А ведь это – сокровенное, выплескивать его на случайных людей нельзя. И однажды ты сдаешься...

– Мы знаем, что вы нарушаете подписку, – кивнул Генерал.

– Спасибо, что не наказываете. Вот за это – спасибо.

– Да ладно, – отмахнулся Генерал. – Ты ведь прав.

– Да, я прав. Но вы видите только самый край этой правды. Обеспечить секретность... А человеку больно, понимаете? Поэтому он берет и плачется в жилетку своей женщине. И видит, что ему не верят. На словах верят, а на самом деле – нет. Поэтому с того дня, как он ей открылся, он начинает ее потихоньку терять. И она его отталкивает, да и он ей не может простить, что не поверила. Неважно, расстаются они или нет, – охотник привыкает к тому, что все его интересы замыкаются в стенах Школы. Но Школа – это клан, и чем больше злобы он впитывает, тем выше напряжение внутри. Даже самые нелюдские из охотников нуждаются в общении... в общении с внешним миром. Но он для нас закрыт. Можете себе представить, до какой степени мы любим Школу и одновременно ее ненавидим?

– Откровенно говоря, – признался Генерал, – в таком свете я эту проблему никогда не рассматривал. А с Базой у вас как? Не чужие вроде люди...

– Не чужие, – согласился Мастер. – Но сенсы в массе своей избегают тесных контактов. Им с нами противновато. Они чувствуют, какой злобой мы залиты под самую пробку. И вот что получается: охотник минимум треть своего времени проводит с людьми, психика которых перегружена до упора. Остальные две трети он тоже напряжен, потому что старается ни на кого не выплеснуть то, что у него накопилось. И постоянно рядом с ним такая же собака. Пыльным мешком трахнутая... Вы бы видели мою Карму! Она тварей ненавидит, у нее на тварей уходит много сил, и после этого у псины неадекватная реакция на людей. Безропотно пускает в дом гостей. Чужаков – на свою территорию! Обнюхает, поймет, что гость живой, –

и идет себе дальше спать. Тьфу! И это зверь, специально обученный нападению на двуногих прямоходящих! Боевая псина... Я вас утомил?

– Нет-нет-нет! – замахал руками Генерал.

– Короче говоря, кто такой охотник? Я, например. Это человек, работающий на благо человечества и при этом не получающий от него совершенно никакой поддержки. Он все время имеет дело с сумасшедшими людьми и ненормальными собаками. Так чего же вы от него хотите? Чтобы он, загнанный в угол, просил вежливо, чтоб хотя бы уши не заливали?

– Уши? – переспросил Генерал. – Почему уши?

– Да потому, что он по уши в дерьме!!! – впервые за весь разговор сорвался на крик Мастер. – У него не осталось ничего, кроме веры в себя и свою собаку! И пока он знает, что он – самый умный, самый сильный и самый красивый, хрен вы его поставите на место. А если он хоть на грош в себе разуверится – все, он больше не охотник. Он просто еще одна потенциальная тварь! И не нужно убеждать себя, что поиски Техцентра – это мальчишество. Я ищу Техцентр, потому что хочу понять, отчего меня в него не пускают! Мне не нужна своя техника, черт с ней! Но почему мне не дают собственные мощности для подзарядки батарей? Почему у меня нет хотя бы принципиальной схемы пульсатора? Своего оружейника? Почему мои рапорты об активизации тварей, о том, что они стали умнее, остаются без детального разбора? Почему еще ни слова не было об инциденте прошлой ночью? Что, что, что еще сказать?!

Мастер резко встал, повернулся и отошел к окну. Отдернув занавеску, он уткнулся лбом в холодное стекло. За спиной молчали, только Генерал ерзал и шмыгал носом. Но вот затих и он.

– Мне тридцать один год, – сказал с горечью Мастер. – Твари и вы – кого я ненавижу больше? Не знаю. Они испортили мне всего лишь характер. А такие, как вы, изуродовали мне жизнь. Ваше счастье, что я самый сильный, самый умный, самый красивый. И еще у меня есть кавказская овчарка. Знаете, я не оправдываю поступок Саймона. Но, кажется, я начинаю его слишком глубоко понимать. Для него в этом мире не осталось живых людей. Одни твари кругом.

– Вот об этом нам и предстоит сейчас разговор, мой мальчик, – сказал за спиной Мастера Генерал. – И я не знаю, как его начать. Но я надеюсь, что тварей ты все-таки ненавидишь больше, чем нас.

* * *

– стакан водки мне нужен, – сказал Доктор. – Вот что сейчас меня поправит.

– Всего-то? – улыбнулся Мастер, запуская руку в холодильник. – Помню, было время, когда ты меньше пол-литры не заказывал.

– Старость – не радость, – вздохнул Доктор, принимая бутылку.

Мастер подвинул Доктору тарелку с бутербродами и смотрел, как тот наливает себе рюмку, пытается оторвать ее от стола. Руки у Доктора ощутимо тряслись.

– Знакомо, – сказал Мастер.

– Нет, – отрезал Доктор, с усилием поднося выпивку к губам. – Этого ты знать не можешь. – Он залпом проглотил напиток и, зажмурившись, откинулся на спинку стула. – Нормально. – Доктор помотал головой, открыл глаза и потянулся за закуской. Мастер сам налил ему снова, и рука Доктора ухватила рюмку уже более уверенно. Доктор торопливо прожевал откушенное и опрокинул «дозу» вторично – четким, отточенным движением. Несколько мгновений он опять следил с закрытыми глазами за тем, как организм принимает выпитое, потом удовлетворенно крикнул и в две секунды прикончил бутерброд. Мастер рассмеялся.

– Красиво, – сказал он. – Аж завидно.

– И ты выпей, – предложил Доктор. – В нашем деле главное что? Главное, вовремя залить глаза. Так легче себя убедить, что все происходящее – горячный бред. Ты еще не родился, а я уже жил в непрерывном бреде. Делириум тременс. Вот так-то, мальчик...

– Вы сговорились, что ли?

– С кем?

– С Генералом. Он меня называет именно так: «Мой мальчик».

– Возрастное, наверное, – предположил Доктор, закуривая. – Нужно сказать, я этого господина с трудом перевариваю. Иногда мне просто стыдно, что мы с ним принадлежим к одному поколению. Хотя работать с ним можно. Противно, но... – Доктор пожал плечами.

– Да, – Мастер криво улыбнулся. – Он замечательно справляется со своей главной задачей – наводить тень на плетень. Слушай, ну хоть ты, опытный мужик, скажи мне, для чего такой уровень секретности? В Проекте занято двадцать разных служб, и про половину из них я даже не знаю толком, где они находятся! Ты это можешь объяснить?

– Могу. Вот ты мне еще налей, и я тебе все объясню. Не думаю только, что ты обрадуешься. И действительно советую тоже выпить. Поэтому.

– Мне на охоту, – сказал Мастер, наливая Доктору половинку. – Если я сейчас пить не стану, я буду просто злой. А если я еще выпью... Ничего, одну ночь продержусь, утром рухну с чистой совестью и продрыхну часов двадцать. Меня эти фокусы Штаба выбили из колеи. И из графика.

– А фокусы тварей? – спросил Доктор неразборчиво – он снова жевал. – И этого твоего припадочного... как его?

– Саймона. Это все мелочи. Тварей я не боюсь, а Саймона мы вылечим. В последнее время мой главный и единственный противник – Штаб. И я этого не скрываю.

– Ты уверен, что именно Штаб тебе жить мешает?

– А кто обещал мне все объяснить?

– Равноценный обмен информацией? – улыбнулся Доктор.

– Хотя бы.

– Не выйдет, – покачал головой Доктор. – То есть обмен-то выйдет, но равноценным он не будет. Ты меня в лучшем случае удивишь. А вот я тебя, если захочу, э-э... ошарашу.

– Давай посмотрим. Ну что, кто первый? Будем кидать монетку или решим по справедливости?

– И как ты понимаешь справедливость в данном контексте? – спросил Доктор, протягивая руку к бутылке.

– Чуть позже, – сказал Мастер, опережая Доктора. Тот тоскливым взглядом проводил исчезающую под столом «литру». – Ты мне нужен в трезвом уме. Потом надирайся хоть до беспамятства. Вот как я понимаю справедливость.

– А то, что мне нельзя с тобой общаться, ты понимаешь? – спросил Доктор. – Человек моего ранга не может разговаривать с охотником. Исключение было сделано только один раз. И только ради тебя.

– Ты за мной присматриваешь? – прищурился Мастер. – Зачем? У меня же справка.

– Справка справкой, – сказал Доктор, – а контроль им нужен.

– Ну! – попросил Мастер, подаваясь к Доктору через стол. Карма внизу шевельнулась во сне.

– Я регулярно подаю Генералу доклад о твоей энергетике и психическом состоянии, – сказал Доктор, честно глядя Мастеру в глаза.

– И что же ты докладываешь? – спросил Мастер с неподдельным интересом.

– Что ты в порядке, разумеется.

– И насколько это соответствует?..

– На все сто! – усмехнулся Доктор. – Как видишь, пока мне не приходилось обманывать ни тебя, ни Штаб.

– А если придется? – спросил Мастер, по-прежнему сверля Доктора взглядом.

– Мальчик! – сказал Доктор. – Сначала я в любом случае поговорил бы с тобой.

«Скорее всего, – подумал Мастер. – Я не Штаб, меня обманывать дороже встанет». Глаза его ощупывали лицо Доктора, казалось, пытаюсь запечатлеть его навечно. Доктор улыбался – открыто и мягко.

– Я знаю, что ты меня любишь как родного, – сквозь зубы процедил Мастер. – Ты знаешь, что я никому не верю. Как я могу тебе показать, что ты для меня все-таки что-то значишь?

– Неужели? – еще шире улыбнулся Доктор. – В мальчике проснулись эмоции?

– Мальчику нужен союзник, – сказал Мастер жестко. – Ты понимаешь, Док, какая неприятность... Засветился в Школе штабной стукач. Страшно подумать, что за человек оказался. Очень мне хочется от него избавиться, но сперва неплохо бы задать ему пару вопросов.

– Ну и задай, – сказал Доктор рассеянно. – Под пытками он точно заговорит. Только обещай ему жизнь. Для вас инстинкт самосохранения превыше всего. Я когда охотников подбирал, я знал, чего хочу. Вы, подлецы, гнетесь, а не ломаетесь. И энергетика убойная. Любого вампира сожрете...

– Не то слово! – подхватил Мастер. – Какой смысл такого человека пытаться? Он все равно наврет с три короба, тебе мозги запудрит и сам запутается. А вот если бы... – И он посмотрел Доктору в глаза.

Доктор замаялся. До него вдруг дошло, что он уже наболтал более чем достаточно для зачисления в активные соучастники.

– Можно, конечно... – сказал он неуверенно. – Это, конечно, против всяких правил. И потом – ты соображаешь, что значит для меня такой шаг?

– Это значит, что ты наконец-то понял, на чьей стороне правда. И с этого момента за твоей спиной будет девяносто пять стволов и девяносто две собаки.

– И они в состоянии защитить себя и меня от спецназа?

– Я не уверен, – сказал Мастер, – что нам имеет смысл защищаться. Понимаешь, если на Школу бросят антитеррористическое подразделение, мы вряд ли отобьемся. Нас вообще отстреливаться и держать оборону никто особенно не учил. Но вот если мы будем атаковать... Понимаешь, даже самый крутой спецназ – это всего-навсего люди. И жизненный опыт у них обычный, человеческий. Да, море крови, горы трупов, все понятно. Но в то же время обкуренный чеченский смертник – потолок для их понимания. Они не подозревают, что на свете есть вещи куда страшнее. И мы им закатим такую галлюцинацию, что они побегут от нас с полными штанами. Я тебя уверяю. А потом, я не думаю, что Техцентр охраняет спецназ. Там обычная вохра. Мы ее просто съедим в одночасье. А когда спецназ до Техцентра доедет... Хотя это все бред. Я тебе главного не сказал. Я составил несколько моделей, Док. Ни одна из них не развивается в нашу пользу, если с нами не будут работать сенсы. Мне понадобятся минимум две бригады. Мне нужен Бенни, и мне нужна Леся. Вот так. Тогда я готов биться с кем угодно. Хоть с танковой дивизией. Я даже самолет запросто собою.

– Ты что, совсем е...нулся? – спросил Доктор шепотом.

– Отнюдь. И не дергайся, здесь «жучков» нет. Проверено.

Доктор несколько раз нервно моргнул.

– Ох, правда, я не думал, что дело зашло так далеко, – сказал он по-прежнему шепотом. – Я думал, это шуточки всё... Ты действительно еще мальчик. О, господи... Они же вас поубивают...

– Не «вас», а «нас», – поправил Мастер.

– Меня не тронут. Я им еще нужен. Но если тебя сейчас услышали, то у Бенни и Олеси будут очень большие неприятности. Ты ненормальный... Что же ты делаешь?

– Да что с тобой, Док?! Пять минут назад ты сам болтал своим болтом, как настоящий перебежчик. Я тебя сейчас Карме отдам! – возмутился Мастер. – Сочту провокатором и загрызу! Может, тебе объяснить, зачем Проекту очень нужен я, а? До тебя еще не дошло, что мы связаны одной веревочкой?

– Это ты о чем? – Доктор продолжал машинально оглаживать собаке шею. Он был уже трезвее трезвого и буквально на глазах Мастера постарел лет на десять.

– Я же единственный человек, который может тебя убить, – сказал Мастер неожиданно мягко.

– Ты не сможешь меня убить.

– Ой, не надо! – скривился Мастер. – Сейчас ты расскажешь, что я живу с установкой, которая не позволит мне всадить в тебя пулю? Да шел бы ты лесом! Сам понимаешь, мне плевать, какой ты сенс, а вот психотерапевт ты дерь-мо-вый.

– Это как все понимать? – спросил Доктор хрипло.

– Да еще не родился такой человек, которого я не мог бы продырявить из огнестрельного оружия. Я просто внушу себе, что это – шутка и в стволе холостой патрон. И накрылась твоя установка. Между прочим, тебя не защитит даже то, что ты сенс. Ты просто не почувствуешь опасности. Ведь я-то буду уверен, что не опасен... Думаешь, не пройдет номер? Давай проверим.

– Не надо, – проговорил Доктор очень медленно. – Ничего не надо. Как ты догадался про установку?

– Логика. Все говорят, что я умный, Док.

– Сенсы за тобой не пойдут. База – их дом. А База – часть Проекта.

– Пойдут, если ты им скажешь.

– Ты не знаешь, насколько они пугливы, мальчик. Они дико боятся смерти. Понимаешь, все наши сенсы мечтают дорасти до уровня сверхчеловека. И сейчас они только в начале пути. Представляешь?... Все равно что сказать тебе сегодня: в сорок лет ты будешь властелином мира. А потом заставить пойти на верную смерть во имя сомнительных идеалов. Что ты выберешь?

– Я не хочу быть властелином этого мира. Мне плохо на этой планете. С самого детства. Так что либо я планету исправлю, либо мне на ней долго не протянуть. И мои идеалы не сомнительны. У меня вообще их нет. Я просто не терплю несправедливости. В отличие от тебя, – сказал Мастер и с удовольствием добавил, впервые в жизни обругав человека старше себя: – Пидора трусливого.

– Даже Бенни не рискнет, – сказал Доктор, пропустивший ругательство мимо ушей за явной его несправедливостью во всех отношениях. – А Олеся и подавно.

– Скажешь ей, что, если живы останемся, я на ней женюсь. Я знаю, она давно ко мне неровно дышит. Лишь бы поверила.

И тут Доктор, видимо, принял решение. Он расслабился, мягко улыбнулся Мастеру и протянул ему через стол руку. Мастер вцепился в нее, словно утопающий в спасательный круг. Рука была очень теплая и дружественная, из нее толчками выбивалась энергия, и Мастер вдруг почувствовал острое желание прижаться к этой руке щекой.

– И чего я тебя так люблю? – спросил Доктор.

– Слушай, а ведь я никогда не спрашивал: у тебя дети-то есть?

– Дочке целых двадцать пять.

– Ничего себе! А как у нее с э-э... – Мастеру очень не хотелось отпускать руку Доктора, и он просто сделал большие глаза.

– Будет лучше, чем у меня. Она уже четыре года как на Базе трудится. Ты чего так смотришь?

– Ну, ты силен... – уважительно протянул Мастер. – Ё-моё... А я ее видел?

Доктор хмыкнул. Похоже, ситуация начала его забавлять.

– Она тебе не пара. Тебе нужна женщина, которая могла бы эффектно оттенить твою наглую морду и барские замашки. И не теряться на твоём фоне. Либо очень яркой внешности, либо очень умная. А моя Леська в общем-то ни тем ни другим не блещет.

У Мастера отвисла челюсть. Машинально он потянулся к бутылке.

* * *

Охоту постоянно обслуживало не меньше восьми бригад сенсов. По две бригады на каждую ночь. Одна уходила с охотниками в зону расчистки. Другая оставалась в Школе, в специально оборудованной «глухой» комнате. Идеальная звукоизоляция не давала сенсам отвлекаться на внешние шумы. По идее, ничего им не оставалось, кроме как сидеть и «нюхать» окружающее пространство. В действительности же сенсы гоняли чай, резались в «Монополию», травили байки, обрабатывали данные проводившихся на Базе экспериментов. Иногда они просто внаглую спали. Во-первых, «нюхать» им это не мешало. Во-вторых, «дырки» открывались только ниже поверхности земли, а Школа была предусмотрительно отрезана от своих подвалов толстой бетонной подушкой. Тварям пришлось бы выбраться наверх где-то в окрестностях и атаковать через периметр, о чем мгновенно предупредила бы охранная система. Так что сенсы в Школе с удовольствием валялись дурака, зарабатывая при этом солидный кусок масла на свой кусок хлеба.

Единственной женщиной среди этих разнокалиберных мужиков была Олеся – худенькая, легкая, невероятно подвижная темноволосая девчонка с хулиганскими искорками в карих глазах. Вся она была как на пружинах и, если даже по долгу службы стояла неподвижно, все равно украдкой отбивала такт носком сапога. Над всеми она издевалась, все и вся высмеивала и не боялась, кажется, ничего на свете. Вид у нее был совершенно несерьезный, вечно волосы лезли ей в глаза, вечно она совала нос куда не просят, тем не менее она была бригадиром и управляла пятью мужчинами в возрасте от тридцати до сорока. Одно удовольствие было наблюдать, как эти здоровенные дядьки буквально по мановению руки хрупкого лохматого существа носились по зоне расчистки как угорелые, занимая намеченные точки. И эта бригада никогда не ошибалась.

Охотники ее боготворили. Делали комплименты разной степени неуклюжести. Совали шоколадки в карман. Даже разрешали погладить собак. Она тоже не оставалась в долгу. Обозвала Хунту «Хитрая Рыжая Морда». В ответ на обещание Зигмунда надрать уши, если не перестанет соваться в опасные места, запросто могла ответить: «А я больше по заднице люблю!» Красавчик Саймон, уверенный в своей неотразимости, попробовал ухватить ее нежно за эту самую задницу, и так огреб сапогом по одному месту, что пришлось его снять с поста.

А однажды, в предыдущую зиму, она замерзла. В расчистку попала территория законсервированного строительства, недоделанного завода, настолько захламленная, что «Вторая» буквально с ног сбилась, пытаясь определить, где же может быть «дырка». Наметили пять точек, сенсы их старательно обнюхали и ничего не нашли. На улице было минус пятнадцать, мела поземка, и тут Олеся, привыкшая, что все у нее получается с ходу и запросто, неожиданно сломалась. Сенсы под прикрытием охотников начали прочесывать территорию, и девушка вдруг прямо на глазах начала слабеть. Прочесывание требовало большой сосредоточенности, и уже минут через пятнадцать движения у Олеси замедлились, она зябко обхватила себя руками, и куда-то пропала ее гордая осанка, а в глазах заблестели слезы. Олеся шла в «коробке», с четырех сторон ее прикрывали Хунта, Зигмунд, Абрам и Китаец, собаки веером развернулись впереди. Охотники чувствовали, что с девушкой неладно, но боялись ее потревожить – сенса лучше не трогать, когда он в работе. Он скорее все себе отморозит, чем выйдет из этого странного, почти гипнотического состояния, в котором он сканирует пространство на добрые две сотни шагов вокруг. Тем более что сейчас к Олесе сходились ниточки и от пяти ее подчиненных

(партнеров? инструментов? черт их знает), с которыми она составляла загадочный для охотников, но очень эффективный в деле конгломерат. Поземка вскоре перешла в метель, потом в форменную пургу. Хунта начал озиаться и нервничать. И тут шеренга собак почтительно расступилась. Сквозь белую пелену навстречу охотникам продирался Мастер. За ним, занимая свою излюбленную позицию в двух метрах позади хозяина, деловито топала Карма.

Мастер поднял руку, и «коробка» остановилась. Олеся слепо ткнулась в спину Абрама и машинально отступила на шаг назад. Секунду Мастер смотрел на нее, непривычно сникшую, трогательно беспомощную. Затем он шагнул к ней вплотную. Расстегнул свою куртку, развел ее борта в стороны и ими обнял девушку, прижав ее к себе, утянув в свое тепло, заслонив от холода и вообще от окружающего мира.

– Машину, – приказал он. – Бегом, сухари безмозглые!

Место было довольно открытое, и сенсы подогнали туда свой минивэн через несколько минут. Мастер и Олеся все так же стояли, обнявшись, а Карма бродила вокруг, охраняя их покой. «Берите, – сказал Мастер. – Только потихоньку». Он распахнул куртку, и изумленные сенсы подхватили совершенно бесчувственное, но уже теплое, упоенно сопящее носом тело. Девушка спала.

– Удачно вышло, – сказал Мастер. – А то у меня уже весь коньяк выпили. Двигайте на Базу, отцы, без вас справимся. А наряд я вам закрою. Отработали.

Охотники, матеря дурную погоду, оцепили зону расчистки и стали ждать возвращения твари, чтобы уже она вывела их к «дырке». Но тварь так и не пришла. Только на рассвете собаки почуяли ее и нашли – сорвавшуюся в котлован, распятую на торчащей из бетонного пола арматуре. Восходящее солнце, пусть и спрятанное за плотными тучами, неумолимо сосало из твари энергию, и та уже даже не шевелилась.

– Я ее вытаскивать не буду, – надулся Хунта, стоя на краю гигантской ямы и глядя вниз. – Эти штыри метра по три длиной. Как я ее вытащу? Их срубить надо у основания. На полдня работы...

– Крюгер! – позвал Мастер. – Что с этой стройкой, когда ее возобновят?

– Заморожена на пять лет, два года уже прошло, – доложил Крюгер.

– Сгниет эта гадость за три года, а? – с надеждой спросил Хунта.

Крюгер пожал плечами и указал подбородком на Мастера.

– Пошли отсюда, мужики, – сказал Мастер. – У нас есть дело поважнее.

Несколько часов Лысый, Горец, Хунта и Мастер колдовали в мастерской, доводя до кондиции новенький комплект зимней боевой формы. Его пришлось очень сильно ушить, что совсем не просто, когда имеешь дело со сверхпрочными материалами, да еще и стараешься не нарушить целостность систем обогрева и вентиляции. Работа велась, конечно, на глазок, но зорких глаз в Школе оказалось предостаточно. Большим подспорьем были и впечатления Мастера, который теперь кое-что себе представлял на ощупь. Удалось даже подобрать фирменные спецботинки всего на полразмера больше, чем нужно.

– Сто лет такого кайфа не получал, – сказал Лысый, утирая пот со лба. – И чего я шитье бросил?

Через сутки бригада Крота, возвращаясь с дежурства в Школе, привезла на Базу объемистый бумажный мешок, на котором была намалевана фломастером неофициальная эмблема Школы – голова кавказской овчарки.

– Это Леське, – процедил ревнивый Крот, заходя к Доктору и швыряя мешок на стол. – Не иначе как приданое. Когда салатик-то будем кушать?

Так что больше она не мерзла, даже когда уставала и сбивалась с ног. Еще она стала очень любезна с Мастером – по-своему, конечно, без лишних, по ее собственному определению, «телячьих нежностей». И охотно, хотя и туманно, рассказывала о специфике работы сенсов. Охотники вообще, на взгляд сенсов, были неумеренно болтливы, постоянно лезли с

дурацкими вопросами, на что некоторые бригады жаловались Мастеру. Тот каждый раз обещал всех наказать, а тем временем аналитики Школы просто с ума сходили, пытаясь свести в хоть какое-то подобие системы поступающий от охотников ворох информации. Выводы звучали неправдоподобно, но ничего по-настоящему сверхъестественного в них тоже не было. Охотника вообще удивить сложно. Например, Батя, старший «группы Раз», на полном серьезе уверял, что Бенни умеет выгонять алкоголь из сахара, находящегося в собственной крови.

А потом стряслось такое, после чего вокруг Олеси на время образовался вакуум.

«Группа Раз» чистила длинный, но неглубокий подвал в идущей под снос пятиэтажке. Все шло сначала как по писаному, «дырку» мгновенно локализовали, очень быстро появилась тварь, ее легко подстрелили. И тут Батя не учел сложности момента. Сенсы на тварей смотреть не любят, остро чувствуя и переживая их чужеродность. Но сейчас у подвальной двери лежало два тела. Раскинув когтистые лапы, мучительно изогнувшись, конвульсивно подскребая по асфальту каблуком, распространяя жесткий и резкий, какой-то совсем не животный, а технический запах, окруженное тихо рычащими псами, в ярком свете фонарей умирало чудовище. А рядом бесформенной грудой драного тряпья лежала его сегодняшняя добыча – маленький оборвыш, донельзя грязная нищенка, девчонка лет двенадцати, с вытекшими глазами и широко раскрытым в беззвучном вопле ртом. Зимой твари чаще всего отлавливали именно таких.

Тварь почти по-людски всхлипнула, последний раз дернулась и затихла. Батя дал отмашку, кольцо охотников расступилось, пропуская Вавилова с его тест-кейсом и двумя ассистентами при носилках и пластиковых мешках. И вдруг, к полнейшему своему ужасу, Батя увидел, что за спиной медика стоит Олеся, пристально смотрит на мертвую девочку, и глаза у нее совершенно белые. Батя махнул было, чтобы Олеся увели, но та уже повернулась и ушла прочь. Тем не менее один боец тихонько последовал за ней и, вернувшись, доложил, что ничего особенного не случилось: Олеся стоит на предписанном инструкцией удалении от потенциальных точек боя, вне секторов обстрела, и к ней подтягивается ее бригада. Нормально так стоит, не кричит, не плачет, только и не шевелится совсем. Батя сплюнул и занялся делом.

Через пять минут, отправив в подвал техников в сопровождении Ветра и Лебеда, Батя подошел к сенсам. Мужчины стояли в кружок, пыхтя сигаретами и опасно поглядывая на Олеся, которая глядела в стену и даже ногой не притопывала. И только-только Батя вознамерился шепнуть ей на ухо что-нибудь хорошее, как Олеся схватилась за голову и сказала:

– Ой, мама!

В подвале в этот момент творился форменный кошмар. Уверенно выйдя к «дырке», Ветер и Лебедь осветили ее фонарями и встали по обе стороны от техников, примерявшихся к чуть колышавшемуся иссиня-черному зеркалу со своей пушкой. Техники с натугой подняли ствол лучемета, и в этот момент «дырка» звонко чавкнула и раскрылась. Взорам собравшихся предстали клубы темно-синего тумана, из которого появились четыре оскаленных черепа.

Техники, как и следовало ожидать, повели себя адекватно: уронили оружие и бросились наутек. Два здоровенных кобеля, рыча, подскочили к «дырке», отсекая врага от хозяев. Ветер мгновенно пристрелил двух тварей, они даже толком высунуться не успели и рухнули обратно в туман. Но остальные две выпрыгнули в подвал, одна Ветру навстречу, а вот другая, что гораздо хуже, – в боковой проход, в котором и скрылась с удивительной прытью. Действие развивалось уже целые секунды две, а Лебедь все не стрелял. У него вдруг заело пульсатор – видимо, запал контакт. Поэтому он бросил оружие на пол и, запустив руку за воротник, тянул из-за спины обрез помпового ружья – непременно аварийную деталь охотничьей амуниции.

Еще одну тварь собаки повалили и вскочили на нее сверху. В «дырке» клубилось синее и тошнотворное. Ветер, не раздумывая, метнулся в боковой проход. Он знал, что перед ним окажется длинный коридор, который тварь проскочить еще не успела. Он выстрелит ей в спину, потом развернется и прикончит эту – как раз собаки ее отпустят и уйдут в сторону. А вот и спина твари маячит впереди. Все нормально. Тут Ветер запнулся о невысокий порожек и

полетел вперед носом. Однако даже в такой ситуации он поступил как настоящий охотник. Заорав: «Бля-я!» таким дурным голосом, что Батя наверху схватился за сердце, Ветер нажал в полете на спуск, попал убегающей твари четко промеж лопаток и вонзился лбом в кучу битого кирпича.

В этот же момент Лебедь трижды выстрелил «своей» твари в пах, развалив ей пополам таз и фактически лишив возможности пользоваться ногами. Тварь на спине отъехала к «дырке» и отчаянно заскребла когтями, пытаясь встать на четвереньки. Как только она перевернулась, Лебедь в два приема отстрелил ей голову и, не отводя взгляда от бьющегося в конвульсиях тела, начал перезаряжать ружье. Запихивая очередной патрон в магазин, он услышал, как державшиеся поодаль собаки разразились лаем, поднял глаза на «дырку» и остолбенел. Из потусторонней синевы на него таращились пустыми глазницами целый десяток черепов.

– Ну! – сказала Олеся своей бригаде. Они стояли, взявшись за руки, образовав кольцо, внешне спокойные, с закрытыми глазами и расслабленными лицами. Сбоку донесся стон – из подвала за ноги волокли техника, зажимающего руками лицо. Из-под перчаток обильно текла кровь. Этот человек только что оказался на пути штурмовой команды, бежавшей к «дырке». Судя по рваному комбинезону, его успели даже покусать. Вавилов осторожно разжал впившиеся в разбитое лицо пальцы, и стон перешел в отчаянный крик. Но крик этот вдруг прервался.

Сначала возникло тихое гудение, от которого хором взвыли собаки. Очевидцы говорили, что гудение это не было, собственно, звуком – ты просто чувствовал, что гудит. Как невидим луч пульсатора, но ты все-таки замечаешь голубую молнию... Потом гудение перешло в скрежет, потом в свист, по ушам очень резко и больно ударило ультразвуком, пятиэтажное здание натужно заскрипело, и все уцелевшие окна рассыпались в прах, усыпав охотников мельчайшей стеклянной крупой. Еще через мгновение шерсть у собак встала дыбом, и они замолчали так резко, будто им повернули выключатель, а люди ощутили, как их тела пронзает странная, ни на что не похожая вибрация. Как уверяли потом охотники, источник трясучки был не снаружи, казалось, он сидит где-то внутри тебя. Из подвала донесся оглушительный – не рев, не крик – хрип, такой, что совсем заложило уши. И все кончилось.

Сенсы разомкнули круг и безвольно опустили руки. Олеся медленно подняла голову, открыла глаза, и Батя потихоньку отступил за угол, потому что смотреть в эти глаза было в тот момент, по его словам, «ну просто невозможно». Несколько минут никто не в силах был пошевелиться, и тут заскрипела подвальная дверь. Из нее поползли собаки, вывалив языки, опустив хвосты и ошалело мотая головами. Штурмовая команда Пушкина, отдуваясь и пряча глаза, вынесла на руках наверх бесчувственного Ветра, уже с забинтованной наспех головой. Физиономии у охотников были здорово перекошенные.

– Это ты устроил? – заплетающимся языком спросил Батю Пушкин, и по его выражению лица Батя сразу понял, о чем речь.

– Пошел ты... – уклончиво ответил он.

– Да уж не откажусь... – Пушкин безумным взглядом обвел пейзаж и объяснил: – Очень эффективная тактика, старший. Поздравляю. Только вот с непривычки можно выпадение прямой кишки заработать. Иди, тебя там Лебедь ждет...

Лебедь уютно полулежал на куче мусора в углу, откинувшись на стену и пожевывая сигаретку. Серый с черными подпалинами Хант сидел рядом, и только по тому, как плотно хозяин обнял пса за плечи, можно было догадаться, насколько Лебедю не до шуток. У его ног стоял, ярко освещая помещение, мощный универсальный фонарь, оставленный командой Пушкина. От стены неподалеку шел синий дымок – верный признак свежезаглушенной «дырки».

Батя пнул башмаком расстрелянную Лебедем тварь. Плечи у нее были в порядке, то есть она вполне могла ползти на руках, ан нет – не ползла.

– Круто? – спросил Лебедь.

Батя кивнул. Более или менее он уже догадался, что тут происходило и какую роль в разгроме играли сенсы. Пушкин вышел к «дырке» явно с опозданием, и эту тварь не добивали из пульсатора. Ее просто что-то убило.

– Сама подохла? – спросил он.

– Сама, – кивнул Лебедь. – Только я ей башку снес, а она взяла и скопытилась. Дернулась, и все. Там, в коридоре, еще одна валяется, но ее, похоже, Ветер пришиб.

– «Дырку» ты глушил? – кивнул Батя на оставленный техниками лучемер.

– Не-а, – улыбнулся Лебедь.

Батя посмотрел на стену – дымок становился все жиже. «Дырка» у человека вызывает совершенно четкие реакции – легкий озноб и сухость во рту. От заглушенной «дырки» идет неприятный холодок, постепенно ослабевая, вот как сейчас. Здесь была «дырка», без всякого сомнения. Именно тут ее сенсы и засекли, именно сюда шли Лебедь и Ветер.

– Она сама затянулась, – объяснил Лебедь. – Из нее торчало с десятков тварей, я уж думал, нам хана. Слышу – Пушкин мчится, так ведь далеко, не успеть... И тут по ушам ка-ак шарахнет! И твари все разом ка-ак захрипят да ка-ак затрясутся! А потом «дырка» – хренак-с! – и нету ее... Я знаю, это Леська устроила. Я ее голос слышал.

– Голос? – Батя присел на корточки и посмотрел Лебедею в глаза. Лебедь был Батин ровесник, чуть старше тридцати, и в Школу пришел в самом начале. Галлюцинациями не страдал. Картина происшедшего вырисовывалась у Бати в голове все яснее.

– «Дырка» открылась внезапно, да? – спросил он. – Из нее полезли твари... У технарей с непривычки очко сыграло... Когда ты слышал ее голос и что она сказала?

– Она маму позвала. Вот через секунду после того, как «дырка» открылась. А у меня пульсатор заело – ничего себе, да? Ветер просто молодец. Чудо парень. И собачки молодцы. Вообще все мы классные ребята... Только вот что, начальник... – Лебедь замолк и сморщился.

– Ты долго был в активной зоне? – с тревогой спросил Батя. – Что ж ты молчишь, дурила!

– Я не был в активной зоне, – с трудом выдавил Лебедь. – Вообще. Но ощущение такое, что был... Прости, старший. Что-то мне хреново... – с этими словами Лебедь закатил глаза и мягко рухнул набок. Батя рванул из кармана рацию, совершенно забыв, что она еще не должна работать. И только вызвав Вавилова, осознал, что эфир чист как стеклышко. Остаточный фон «дырки», обычно по полчаса, а то и по часу намертво блокировавший радиосвязь на верных полкилометра вокруг, в этот раз исчез напрочь.

Лебедь оклемался за неделю и вернулся в группу. Ветер отлеживался две, отпустил челку подлиннее, чтобы не видно было шрама, и в промежутках между облавами бегал на процедуры в Институт красоты. Мастер в Штабе закатил сцену, требуя в сотый раз схему пульсатора и собственную «техничку». Вместо этого Школе увеличили финансирование. А Олеся со своей бригадой просто исчезла. «Куда ты ее подевал? – спросил Доктора Мастер. – Тут ей ребята хотят щенка подарить». – «У нее не будет времени на собаку», – холодно ответил Доктор, и Мастер понял: действительно не будет. И еще он почувствовал: выручив охотников, Олеся что-то сделала не так, и это ей даром не прошло.

Она появилась только через два месяца, и это был уже совсем другой человек. Спокойная, выдержанная, уравновешенная, она больше не прыгала на одной ножке и никуда не спешила. Охотники начали ее избегать. Некоторые не могли забыть, что в этой хрупкой девушке оказалась заключена неведомая сила, огромная и пугающая, которую им однажды довелось ощутить на себе. Даже употребленная во благо, сила эта ужасала. Но таких было совсем немного – и воспоминания о пережитом заслоняли от них главное, то, что с трепетом отмечало большинство и о чем между собой говорили шепотом: люди так не меняются за такой короткий срок.

– Что с ней, Бенни? – спросил Мастер.

– Я не знаю... – ответил Бенни. Мастер вглядывался в его лицо в поисках ответа, но Бенни недавно отпустил густую бороду и стал на себя не похож. Мастер так и не понял – то ли Бенни боится, то ли это страх сквозь злобу. А коли есть злоба...

– Как беременная, ей-богу, – сказал подошедший Хунта. – А может?.. И чего мы тогда психуем?

– Нет! – отрезали Мастер и Бенни в один голос. И на этот раз Мастер расслышал: Бенни действительно весь кипел.

– Слушай, Бенсон, – сказал Мастер, беря сенса за рукав. – Я тебя не прошу говорить ни «да», ни «нет». Но ты хоть намекнуть можешь, что произошло?

– Девочка потеряла невинность, – процедил сквозь зубы Бенни, вырвал руку и, довольно сильно толкнув Мастера, шагнул в метель. Пурга свирепствовала пятые сутки, приходилось надевать вязанные подшлемники, шел разговор о пополах для собак. Твари злобствовали, их было много, и они лезли отовсюду. Школа работала на пределе, группы выходили на расчистку через ночь, и сенсы этот безумный ритм выдерживали с трудом.

Хунта и Мастер переглянулись.

– У тебя на ресницах сосульки, – сказал Хунта. – Что он имел в виду, как ты думаешь?

– Одно из двух, – сказал Мастер. – Может быть, то, что случилось тогда, два месяца назад, имело для нее характер откровения. Что-то в ней раскрылось, ранее ей неведомое. Или...

– Вот именно: «или», – перебил его Хунта. – Батя говорил – она вела себя очень уверенно, как будто всю жизнь только «дырки» и глушила. Она вычистила все частоты, на которых «дырка» излучала. Начиная аж с инфразвука – ты мог себе представить, что человек в состоянии генерировать инфразвук?..

– Ну, когда-то я не мог себе представить, что человек может видеть сквозь бетонную стену. И вообще...

– Не уходи от темы, – снова перебил его Хунта. – Все она про «дырки» знала. И про свои возможности – тоже. Люди-то не пострадали. Люди с тварями взаимодействуют? Дохнут в активной зоне? Чувствуют приближение к «дырке»? Значит, частота одна. Но Леська каким-то образом людей не тронула. Ювелирная работа. А Лебедя зацепило, потому что он был в эпицентре...

– Доктор считает, что Лебедь был в активной зоне, – вяло возразил Мастер.

– Прости, но из твоего Доктора всю совесть на Лубянке выбили, когда мы еще под стол пешком ходили. Двuruшник твой Доктор. И вашим, и нашим. Всех боится и всем врет.

– Недоговаривает.

– А это не одно и то же? Ладно, ладно... Замнем для ясности. Давай, приняли мою версию, начали думать, что второе. Девочка продемонстрировала в действии технологию, которую показывать нельзя даже нам, со всеми нашими подписками и допусками. Вопрос – кто ее за это вздрючил? Да еще до такой степени...

Мастер закурил. Они стояли в щели между двух машин, ветер обходил их стороной, и им даже в голову не приходило забраться в тепло салона. Отчасти потому, что еще двадцать человек в этот момент работали на ветру, подкрадываясь к домику лесника. Лесопарк разделял два больших жилых массива, и лесник, наверное, гордился тем, что неподалеку стоят громадные муравейники в шестнадцать этажей, а он вот живет в отдельном доме, настоящем доме...

– Бенни сказал лишь то, что хотел сказать, – произнес задумчиво Мастер. – Интонации, интонации... Он здорово разозлился. И совсем не на Леську. Он на жизнь злой, на судьбу, на что-то, что мешает жить, висит, как дамоклов лом...

– Третья сила?

– Вот именно. – Мастер хлопнул ладонью по борту «Рэйнджа». – Потерять невинность довольно сложно без помощи извне. Я ставлю полбанки на Техцентр. Отвечаешь?

Хунта поскреб под шлемофоном.

– Может, все-таки кто-то на Базе, а? – спросил он неуверенно. – Тот же самый Доктор.

– База – во! – Мастер отмерил руками примерно метр. – А Доктор всего-навсего руководитель сектора. Он поэтому и зашуганный такой. Он там совсем не главный. И к тому же База – это просто закрытый институт. Скажем так, медико-технологический. Эксперименты на стыке наук. Конечно, там есть свой «особый отдел», который блюдет секретность, но... Понимаешь, у сенсов круговая порука не хуже, чем у нас. И их не возьмешь голыми руками. Даже Штаб, который все координирует, старается на Базу не давить. Штабные стратеги отнюдь не главные в Проекте. Кстати, они плохо разбираются в биоэнерготехнологиях и поэтому их опасаются. Получается – и ставить Базе задачи, и давать по морде должен тот, кто во всем хорошо понимает и не боится ничего. Есть кто-то над сенсами, кто им одновременно и прямой начальник, и заказчик. Техцентр. Это Техцентр, старина.

– Интересно, что с ней было?..

– Ты заметил, как она теперь на нас смотрит?

– Как влюбленная королева. – Хунта сплюнул. Он так любил Олесю прежнюю, что нынешняя его совершенно не устраивала. – Особенно на тебя.

– Ей просто нужна защита, – сказал Мастер мягко, не упрекая. – Я уверен: ей хочется быть рядом с теми, кто способен защитить. Возможно, она сама еще этого толком не понимает.

– Суки! – выпалил Хунта в пространство. – Чем мы-то ее можем защитить? Она одна целой армии стоит.

– Значит, можем. И наше дело угадать, чем мы так хороши.

– Это все построено на песке, – внезапно сдал назад Хунта. – Ты посмотрел на потолок, – он поднял глаза к небу, – и увидел там красивую и страшную версию. Я, козлице такой, поддакиваю... а от Крюгера ни звука! Стой тут! – приказал Хунта и исчез в снежной пелене. Султан рванулся за ним следом и тоже пропал.

– Что, Кармашка? – спросил Мастер. – Как жить-то дальше будем? Ты со мной тоже не согласна?

Карма улыбнулась. Она с Мастером была согласна всегда. Даже когда вкусная кошечка вываливалась у нее прямо изо рта – от крепкого удара по затылку. Или когда на нее замахивались табуреткой. Или перетягивали по хребту поводком. Как и Мастер, Карма была своевольна и трудновоспитуема. Только вот в отличие от Мастера ее можно и нужно было иногда колотить. Тем не менее бита она бывала редко. Несмотря на все свои кавказские замашки, она была все-таки девочка, по самые обрубки ушей влюбленная в Мастера и готовая ради него ползать на брюхе и скакать через барьеры. Ее любила и побаивалась вся Школа – и Карма знала почему. Ведь она – с Мастером.

А Мастер знал, как всем в Школе нравится Карма, и часто размышлял о том, насколько бы хуже относились к нему люди, не будь всегда рядом эта рыжая красotka с очень низко купированными ушами и склочным характером. Он вышел из-за машин на ветер и с горечью подумал, что когда-то его любимым временем суток была ночь.

– Вот и прошла наша молодость, – сообщил он Карме.

Ветер свистел, цепляясь за машины. Вдалеке едва виднелась темная полоса леса. За спиной мутно светились огни большого города. Мастер тоскливо вздохнул. Карма посмотрела на хозяина и нервно зевнула. Мастер облокотился на борт «Рэйнджа».

– Крайне желательно, – процитировал он какое-то старое руководство, – чтобы владелец собаки жил не один...

Вдалеке затрещали пульсаторы, и вдруг шарахнул дуплетом знакомый обреза. Мастер скрипнул зубами. Все опять не так, как надо. Он повернулся спиной к выстрелам и уткнулся лбом в холодное стекло, ощущая себя совершенно запутавшимся, вдребезги несчастным и одиноким, как никогда.

В лесу Бенни выстрелил снова.

* * *

– Ох, надоело мне это все, – сказал Доктор, аккуратно расправляя кисточку на ухе у Кармы. – Сил нет, как надоело. Ты знаешь, мальчик, я ведь устал страшно... Ты в Проекте шестой год и попал в него, в общем-то, случайно. Тебя, откровенно говоря, не хотели даже. Пока не выяснили, что ты блокирован и этим ценен. А знаешь, откуда узнали, что ты блокирован? – неожиданно спросил он.

– Когда ты меня смотрел...

– Как бы не так! – рявкнул Доктор, выпуская Карму и хватаясь за бутылку. Карма озадаченно уселась и вытаращила глаза. Мастер, закусив губу, наблюдал – поставил локоть на стол, уперся щекой в кулак и смотрел, как Доктор заталкивает в себя водку, поспешно запивает ее колой и лезет в пачку за сигаретой. Когда он прикуривал, Мастер заметил, что руки у Доктора снова подрагивают. Несколько часов назад Доктор завершил работу с попавшим в беду репортером. Вопреки ожиданиям, парень с фотоаппаратом так и не понял, что в него стреляли из неизвестного современной науке оружия. А его напарника потряс до глубины души покойник Кучум. Что ж, больше эти двое никому не расскажут, какие странные вещи случаются ночью на московских улицах.

– Когда я тебя смотрел, – сказал Доктор, – я уже знал, что твой мозг закрыт. Причем данные об этом получил в самой безапелляционной форме. Ты почему меня не поймал на слове? Почему не схватил за руку, когда я проболтался, что лично подбираю охотников, а? Думаешь, ты самый хитрый? И тебе все на блюдечке принесут?

– Я действительно хитрый, Док. И еще у меня есть кавказская овчарка. – Мастер спокойно улыбнулся. – Так что ты давай рассказывай.

– Не могу, – вздохнул Доктор. – Вот хочу, а не могу. Минуту назад готов был – а теперь заклинило. Ты даже не представляешь, насколько это все дико. И страшно. Я через этот страх прошел, я его пережил, ясно? И я просто не в силах обрушить эту глыбу на того, кто мне дорог. Особенно на тебя. Ты с ума сойдешь, когда все узнаешь. Пойми, я не могу... Не могу, и все тут!

– Леську тогда в Техцентр забирали? – неожиданно сменил тему Мастер.

– Не знаю... – Доктор опустил глаза и сжал кулаки. – Я с самого начала был против того, чтобы она брала отдельную тему, чтобы получала эту гребаную бригаду. Но она решила по-своему. Все хотела себя проявить. Ага. Проявила... Выступила... И что? Приехали какие-то... Бухгалтерия ей командировку оформила... Пропала на целый месяц. А вернулась – не узнать... И молчит.

Доктор поднял глаза на Мастера, и тот невольно отвел взгляд – столько в этих глазах было боли. «А чего ты, собственно, хотел, любящий папаша? Если так за дочку переживаешь, держал бы ее взаперти. А то получается – никто ни в чем не виноват, и ты – пострадавшая сторона. Хотя ты-то скорее всего самое главное дерьмо в этой ситуации и есть». Высказывать свое мнение вслух Мастер не стал. Хотя бы потому, что ответная реакция Доктора его совершенно не интересовала. Да и что его стыдить – не поймет. Не то поколение. Мастер вздохнул и спросил:

– Кто-то из моих стукнул?

Доктор помотал головой.

– Был у нее в бригаде один деятель... Может, даже и не один, но этот слишком ревнивый оказался. Они же все по ней сохнут...

– И где он теперь? – поинтересовался Мастер невинным тоном.

– Сдох, – невесело усмехнулся Доктор. Так невесело, что Мастер не стал вдаваться в подробности. – Слушай... – В глазах Доктора вдруг проявился искренний и глубокий интерес. – Я все хотел спросить... А как это для вас? Ну, для твоих?

– Быть рядом с сенсами? – догадался Мастер. – Нормально. А как еще? Даже тот инцидент не очень ребят напугал. Конечно, некоторым показалось, что глушить «дырки» усилием воли – немного чересчур. Но тут дело скорее в конкретной личности. Уж очень Леська милая, не вяжется с ней такая мощь. Окажись на Леськином месте Бенни или Крот, парни бы и это скушали. Охота, милый Доктор, формирует у человека хорошую привычку – воспринимать мир таким, какой он есть, и не удивляться, когда он поворачивается к тебе невиданной стороной. Это же для нас вопрос, напрямую связанный с выживанием... Представь – как бы мы охотились, не доверяя сенсам? В способности которых, между прочим, не верит процентов восемьдесят мирного населения. А то и девяносто...

Доктор внимательно слушал. Он немного расслабился и теперь наслаждался общением. Внутренне Мастер вздохнул. «А может, действительно его стукнуть чем-нибудь тяжелым?» Все стало чертовски сложным теперь, когда Мастер узнал, что Олеся – дочь Доктора. Мастер и раньше догадывался, что судьба Доктора сложилась непросто. Но только сейчас он более или менее ощутил, насколько же тесно сплетены в душе старшего друга ненависть и страсть к его загадочной работе. Это живо напомнило Мастеру его собственные рассуждения об аналогичных проблемах охотников. Так что теперь Мастер совершенно не представлял, как себя дальше вести с Доктором, но прекратить разговор не решался, и беседа, на его взгляд, приобретала бредовые интонации.

Тем не менее он продолжал размышлять вслух, чуть ли не слово в слово воспроизводя свои жалобы на нелегкую судьбу охотника, которыми угощал Генерала с Очкариком. И всерьез обрадовался, когда его поток красноречия наконец-то приостановили.

– Ты идеализируешь своих подчиненных, – сказал Доктор. – Конечно, есть среди вас такие же, как ты, – не спорю. Но так относиться к жизни может далеко не каждый. Без ущерба для себя. За этим обычно следует роскошная психопатология...

– Ну, если она не идет в ущерб работе... Мне, например, наш Будда был глубоко симпатичен. Хотя второго такого психа еще поискать...

– Басов действительно был редкий тип, – усмехнулся Доктор в адрес первого старшего Школы, – мир праху его. Но при этом он был хороший человек. Он просто так люто тварей ненавидел, что иногда часть этой ненависти обрушивалась и на людей. Очень увлекающийся был мужик. В своем роде.

– Лучше бы он увлекался спортом, – хмуро сказал Мастер. – Или марки собирал. Нельзя так о покойниках, но я рад, что его съели. Уберегли ребят от греха. Будда под занавес стал таким злобным... А в Штабе считали, что он идеальный старший. Боялись, что мы распустимся. Впрочем, это было неглупое решение. Пока командовал Будда, не было шанса, что мы начнем выяснять, что же за штука Проект. Знаешь... Не исключено, что именно я бы мог в один прекрасный день... Ну... На расчистке это просто – толкнул невовремя, и охотник уже у твари в лапах. Я ведь тоже устал. И начал сомневаться в Проекте. Мне захотелось узнать его истинную задачу. А Будда стоял между этим знанием и мной. Он был ортодокс и не задавал вопросов.

– А ты стал задавать вопросы и нажил кучу неприятностей.

– Я уверен, что спасаю жизни двух сотен хороших ребят – людей и зверей. Хочешь – присоединяйся. Приглашаю всех желающих выжить.

– Я не чувствую серьезной опасности, – твердо сказал Доктор. – Я уважаю твое мнение, но сейчас ты ошибаешься. Ты разборки внутри Штаба принял за что-то большее. А это всего-навсего мышиная возня. Пожрут они друг друга, и все наладится. Так бывало уже, поверь мне.

– Ты опять сошел с нарезки, – скривился Мастер. – Только что играл на моей стороне, даже собирался откровенничать. А теперь на попятный. Никак не можешь взвесить, кто прав, а кто не прав? Ты сообразил уже, что я больше не могу на тебя давить. Я понял наконец-то,

как глубоко ты увяз всеми лапами... И поверь, я давить не стану. Мне тоже Леську жалко. Как ее зовут-то хоть?

Доктор на секунду задумался.

– Нина.

– Тяжело жить в страхе, – сказал Мастер задумчиво. Он не стал объяснять Доктору, что страхи бывают разные и самый главный ужас – это тот, о котором мало знаешь, и поэтому воображаешь черт-те что. Доктор явно был склонен монополизировать право на страх. Он хотел быть главным страдальцем.

– В страхе жить очень тяжело, – согласился Доктор. – Я, например, здорово испугался, когда увидел твой файл. Не тебя испугался, нет. Я просто совсем не хотел вспоминать один свой очень большой страх.

«Есть!» – подумал Мастер. Если бы момент позволял, он бы сейчас громко хлопнул в ладоши. Или дал подзатыльник Карме, чтобы не сверлила глазом Доктора и не пугала лишний раз этого сильного, но забитого человека. Кажется, все получилось, все пошло, как надо. Если бы еще не этот проклятый озноб, холодок по позвоночнику...

Холодок страха.

– Это скорее похоже на медицинскую карту, – говорил Доктор, рассматривая в пепельнице окурки. – Пухлая книжечка такая, как в поликлинике. Файл приходит вместе с соискателем и заполняется по мере обследования. Почти чистый приходит. Только общие психофизиологические характеристики, порядковый номер, и все. А вот твой был уже частично заполнен, и на нем стояла отметка. И, открыв нужную страницу, я увидел запись: «Ментальный блок». И два жирных плюса в графе «Пригодность». И еще одну вещь, которой ты можешь, наверное, гордиться. Я бы гордился, наверное, если бы со мной так носились...

– Сейчас буду гордиться, – заверил Мастер. Лицо у него окаменело. Правой рукой он ухватил Карму за холку и потянул к себе. Карма по-прежнему ела Доктора недобрым глазом.

– Соискатель проходит тесты под номером, – говорил Доктор. – За всю свою практику я помню только два случая, когда в файле было указано рабочее имя. То, что вы называете кличкой. Клички заносятся в файл после зачисления охотника в Школу. Ведь именно в Школе кличка и вырабатывается, правда? Или утверждается, если охотник принес ее с собой. Но до этого момента ей в файле делать нечего. Ты откуда взял свое имя?

– Будда, – сказал Мастер. Голос его звучал хрипло. – На площадке сразу четыре пса сцепились, народ что-то замешкался, и я этих крокодилов раскидал. Терпеть не могу собачьи драки, жалко мне их, глупых... Вот, а Будда увидел, как я псов кидаю, подошел и сказал: «Оцените, мужики, какого мастера нам прислали!» И все – так и пошло... – Мастер задумался и вопросительно поднял на Доктора глаза.

– Итак, я еще до Школы был Мастер. А как звали второго? – спросил он жестко.

Доктор посмотрел на него, как дворняга на волкодава.

– Вообще-то приятно думать, что я хотя бы не один, – Мастер грустно усмехнулся. – А то уж больно тоскливо.

– Мы получаем файлы в первом отделе Штаба, – тихо сказал Доктор. – И после каждой профилактики отвозим туда на пару дней.

Не знаю для чего... Сам понимаешь, там лишних вопросов не любят. Но ты был мне настолько интересен, что я рискнул-таки, спросил мимоходом... Почти риторический вопрос – и откуда, мол, берутся такие экзотические личности? И один молокосос, очень гордый своей ответственной работой, возьми и ляпни, что таких в Техцентре выращивают...

Мастер тяжело вздохнул и отпустил Карму.

– Ты только буквально это все не воспринимай, – попросил Доктор. – Может, я тебе налью чуток, а?

– Мне работать! – рявкнул Мастер. – Так кто второй?

– Да второй к Школе вообще не имеет отношения. Просто это была личность такого масштаба... То, что тебя поставили с ним на одну доску, – вот это меня к тебе и привлекло.

– А все-таки? – спросил Мастер. – Давай, не темни.

– Я его видел-то всего один раз, – виновато, словно оправдываясь, сказал Доктор. – Правда, недавно, где-то год назад. Но это ничего не значит. Скорее всего его просто сейчас нет на земле. В смысле – на Земле. С заглавной буквы.

Мастеру пора было бы удивиться, но он только показал глазами: рассказывай.

– Форма нашего файла, – начал Доктор, – утверждена, как я понимаю, очень давно. Но кандидатам в охотники положен именно этот стандартный файл. И на большинство из ваших соискателей он уже был. Ты это учти. Девяносто процентов из тех, что работают с тобой, – совсем непростые ребята. Ими всеми давно интересовались, причем интерес этот был весьма специфического плана. Соображаешь?

– Мы – отходы какой-то старой программы, – кивнул Мастер. – Во всяком случае, ветераны. У нас ведь есть люди с улицы, ты знаешь... Мэдмэкс...

Услышав это имя, Доктор скривился, как от зубной боли. Как и многие, он высоко ценил старшего «группы Три», но общения с ним избегал. Особенно после того, как Мэкс отказался наотрез остаться на Базе. В Школе он быстро сделал карьеру и отдельно прославился тем, что привел несколько отличных ребят, и все они были Штабом и Базой допущены к охоте. Все до единого. В то время как много приличного народу, соблазненного другими охотниками, заворачивали либо Штаб, либо База. Хотя сами «отсеянные» об этом и не подозревали – им находилось место во втором эшелоне Школы, в Школе-2, ведущей ее легальную деятельность.

Мастер привел соискателя только однажды – и тот тоже подошел. Свое рабочее имя он вынес со двора – Саймон.

– Я это давно вычислил, только, знаешь, боюсь себе признаться, – говорил Мастер. – Очень уж неприятно сознавать, что какие-то дяди всю твою жизнь к чему-то тебя готовили. Кто его знает – может, мы все уроды... И я главный. Никогда не хотел быть главным. Нигде, ни за что. Ответственности не терплю. За Карму вот готов отвечать, а за человека – нет. А со Школой странно так вышло – понимаешь, Док, я их всех полюбил. Ненормальных...

– Вы не ненормальны, – мягко поправил Доктор. – Просто у вас нестандартная энергетика. И от этого, в частности, такой удачный склад характера – почти у всех. Одно с другим увязано... Нет, вы в порядке. У меня же богатый материал для сравнения. Я почему начал разговор про эти проклятые файлы? Ведь раньше к нам на Базу поступали самые разные люди. Попадались очень интересные экземпляры. Как я сейчас понимаю, мы их тестировали для работы в спецслужбах. Но иногда клиентов привозили – именно привозили – в состоянии легкого ступора, очень странного такого... как бы тебе объяснить – ты же не знаешь нашей работы, нашей терминологии... в общем, непонятного ступора. Я бы назвал это «зомбирование». Это было тогда модное слово. Им здорово баловались газеты.

– Это когда было?

– Во второй половине восьмидесятых. И самом начале девяностых. Давно, в общем. И вот с этих зомби нужно было снять данные по энергетической активности. Мы, разумеется, уперлись – что еще за живые трупы, откуда взялись? А нам вежливенько указали на место – работайте, товарищи. Мы и работали... Ты же понимаешь!... – встрепенулся Доктор.

– Я понимаю, – сделал успокаивающий жест Мастер. – Не чувствую, но понимаю.

– Я же разрабатывал систему форсирования, – продолжал оправдываться Доктор. – Мы мечтали превратить всех людей в сенсов...

– Расслабься, – попросил Мастер. – Ты сделал большое дело. Если бы не ты, нас всех давно бы съели. На тебя вся Школа молится. Давай!

– В общем, пришел однажды файл, который меня ошеломил. Это был первый случай, когда в графе «рабочее имя» это самое имя стояло. И номер файла был очень короткий, без

всяких дробей. Как сейчас помню – ноль двадцать восемь. – Доктор прищурился на Мастера и предугадал его вопрос. – У тебя не менее интересный номер. Сто пять.

Мастер глядел в стол, на его сигарете вырос длинный столбик пепла. Карма, не поворачивая головы, вращала карими глазами – с Доктора на Мастера и наоборот. Сегодня Доктор ей явно не нравился.

– Но главное, – продолжил Доктор, выдержав небольшую паузу в ожидании реакции Мастера и ничего особенного не разглядев, – это было совершенно невообразимое рабочее имя. Настолько странное, что я еще подумал – что они там, у себя, в индейцев, что ли, играют? Очень романтическое имя – Стальное Сердце. И смех, и грех. Вот. А человек взял, да и не приехал. Как я потом узнал, его просто не сумели привезти...

Карма встала, потянулась, отодвинула Доктора вместе со стулом, вышла из кухни и тяжело рухнула в коридоре. Мастер курил, ссутулившись и опустив голову так, что волосы закрыли глаза – от этого Доктору казалось, что он говорит в пустоту.

– Странное имя, – сказал Мастер, не поднимая головы.

– Слишком длинное, да?

– Бессмысленно длинное. Неудобное. Действительно романтическое – до дури, выпренное какое-то. Нескромное даже. Нужна чертовски веская причина для того, чтобы кто-то получил такое имя.

На слове «нескромное» Мастер слегка запнулся, и Доктор подумал – уж ты-то, пижон, от такого имени не отказался бы. Ты сейчас мучительно соображаешь, чем же этот «ноль двадцать восьмой» круче тебя, если вы оба вроде как одной крови...

– Ты ведь знаешь, – сказал Мастер, отбрасывая волосы со лба, – как называются в Школе мобильные группы. «Группа Раз», «группа Два», «группа Три» и «группа Фо». В смысле – four, четыре. Коротко и четко. Почему радиотелефонисты говорят не «пятьдесят», а «полсотни»?

– Когда помехи в эфире, не спутаешь с «шестьдесят», – блеснул эрудицией Доктор.

– Точно. Все должно быть утилитарно. Действительно странное имя, вот почему я так задумался. Прости, я внимательно слушаю.

– Я тоже в свое время обалдел от этой клички, – признался Доктор. – Просмотрел файл очень внимательно. И вдруг увидел, что одна страница изъята. Представляешь? И это страница, где фиксируются общие данные по взаимодействию со сложными системами. То есть насколько человек поддается контролю и сам способен влиять на других. А это хитрая страничка, друг мой. Там отмечаются голые факты. Она может быть заполнена только по оперативным донесениям... Страницы в файле довольно тонкие. А страницу общих данных заполняли, видимо, с нажимом. И кое-что отпечаталось на следующей. Так я узнал несколько интереснейших вещей. Во-первых, что страница была плотно исписана вся! Представляешь?

– Нет, – честно признался Мастер. – Стараюсь...

– Во-вторых, мне удалось разобрать запись, которая должна заинтересовать тебя. Там в графе «уровень обмена» было написано то же, что и у тебя, – «Ментальный блок».

Мастер выпрямился и потянулся за новой сигаретой.

– Точно, точно... – пробормотал он. – Обещал меня ошарашить? Вот ты меня и ошарашил.

– Только не пойдешь по ложному следу, – предупредил Доктор. – И не расстраивайся, но тебе до этого человека очень далеко. Так вот, кроме того, в графе «Особые отметки» я увидел странный знак. Там стояла большая и четкая буква «П». И вопросительный знак. И не будь я сенс, если всю книжку не прошивало насквозь едва-едва заметное, но так и не стершееся пятно. Тот, кто ставил этот знак, сделал это в страхе, да еще в каком! С полными штанами. И вообще, как я сейчас понимаю по некоторым признакам, этот файл часто брали в руки испуганные люди. Этого файла боялись, и очень. Разумеется, я начал потихоньку копать, что же это за «пэ-вопрос». Представь себе, чтобы найти ответ, понадобились годы!

– Подумаешь! – усмехнулся Мастер. – Тут полжизни сообразить не можешь, что с тобой происходит...

– Пока большевиков не поперли и система не рассыпалась, прояснять эту историю со Стальным Сердцем было попросту опасно, – продолжал Доктор. – Но я о ней помнил. А потом оказалось, что ее знают многие, – это я, сидя на Базе, ничего не видел и не слышал. Да со мной и знаться не хотели! Продался гадам. Так ведь я им не за похлебку продался! И не за шкуру свою...

– Ну, потом-то тебе поверили, – сказал Мастер.

– Да, – грустно сказал Доктор. – Но только потом. А, ладно! Это я так, жалуюсь. И вообще, я об этом не думаю. Я совершил открытие, верно? Меня все зауважали. Да? Ну, вот и хорошо. Главное – я совершил локальное открытие. Никаких революций. Никакого всеобщего счастья! Я просто усовершенствовал то, что уже было. Нам разум дал стальные руки – крылья! – Доктор заглянул в рюмку. – Вот та сука, которая выдумала психотронную пушку, – вот она действительно совершила революцию. Я убил бы ее, если бы знал, где найти.

– Так психотронные пушки все-таки существуют? – спросил Мастер. Глаза его сузились. Доктор тяжело вздохнул.

– Ты из нее стреляешь иногда, – выдохнул он, отворачиваясь и сжимая кулаки.

Некоторое время Мастер сидел молча, разглядывая Доктора в упор. Потом взял рюмку, налил себе на самое донышко, выпил, закурил и сказал:

– А вот теперь, дорогой мой Доктор, кончаем врать и начинаем говорить только правду. Файлы... Как я понимаю, это были личные дела подопытных из знаменитой «Программы Детей». Так? А Стальное Сердце... Его настоящее имя, случаем, не Тимофей?

– Откуда ты... – пробормотал Доктор обескураженно.

– Оттуда, – невесело улыбнулся Мастер. – Судя по всему, именно оттуда. Но если я выжил, значит... Хм-м, как все интересно... Слушай, Док. Налей-ка ты себе полную. Заслужил.

* * *

– Когда полосу сдаешь? – осведомился Гаршин, копаясь в ящиках стола.

– Завтра, – лениво сказала Таня, откидываясь в кресле и выпуская дым в потолок. – По графику.

Гаршин захлопнул средний ящик, потянул нижний, потом дернул, тихо выругался и рванул изо всех сил. Стол затрясся, и Тане на колени спланировало несколько машинописных листов, обезображенных до полной неразборчивости гаршинской синей ручкой.

– Где-то здесь было... – бормотал Гаршин, что-то со скрипом раздирая. Появилось и уперлось в столешницу обтянутое застиранной джинсой колено. Стол нервно приплясывал, но не уступал.

– Э! – воскликнула Таня, выпрямляясь в кресле. – Начальник! Это что за материал?

– Какой? – спросил из-под стола Гаршин, продолжая рвать на себя.

– Вот этот!

– Не вижу, – сообщил Гаршин голосом честным, но излишне напряженным. Стол издал придушенный звук и наконец замер.

– Это невозможно, – горько сказала Таня, бросая листки обратно в кучу бумаги на столе. – Ты просто не понимаешь... не понимаешь, с каким трудом Кузя это добывал. Он втирался к ним в доверие почти год.

– Ерунда, – отрезал Гаршин, появляясь вновь в кресле редактора отдела. В кулаке он сжимал вырванную из зубов стола добычу – громадный толстый конверт. – Если входить в

тему год, ничего путного уже не напишешь. Что Кузьмин и доказал этим материалом. Он стал принимать тему слишком близко к сердцу. А это уже не журналистика. Это литература.

– Если бы ты там был... – начала Таня, но Гаршин показал ей рукой – замолкни. Когда Гаршин переходил на жесты, это означало, что разговаривать на данную тему он просто не будет. Таня вздохнула.

– Не сутулься, – приказал Гаршин. – Это я могу сутулиться, в мои годы и с моими заботами. И то, как видишь, хожу прямо и крест свой несу безропотно...

– Хочешь еще и мой – до кучи? – поинтересовалась Таня, отворачиваясь, но плечи все-таки расправив. – В том смысле, что Кузю я к тебе пришлю, когда он спросит. Я в литературе мало понимаю. В отличие от вас, мэтр.

– Присылай, – согласился Гаршин, укладывая конверт поверх бумаг и припечатывая его сверху ладонью. – Я ему все объясню. Ты что, действительно не понимаешь, что материал слабый?

– Это для тебя он слабый. Ты такие материалы бракуешь каждый день. Но сначала-то ты их читаешь! И эта тема для тебя, конечно, уже пройденный этап. А подписчики ахнут! Они-то еще не в курсе...

– Сомневаюсь, что они ахнут, – желчно сказал Гаршин. – Скорее охнут. А в конце месяца подписка ухнет. А главный, между прочим, вчера именно этот вопрос поднял. И тоже ухнул – этим вопросом по моей голове. Было очень больно.

– За что? – удивилась Таня. – Хвалил ведь две последние полосы.

– Вот то-то что хвалил. А теперь посмотрел наш план и говорит, что перехвалил. Везде, говорит, одно и то же – страшилки для пугливых дамочек. Хочу, говорит, чтобы меня удивили. А если удивлять не можете, тогда непонятно, зачем вообще газете «аномальная» полоса, задача которой – удивлять и наводить на размышления...

Таня сникла. Она пыталась найти тему, которая могла бы всерьез удивить главного редактора.

– Его-то, чайника, удивить можно, – сказал пренебрежительно Гаршин, глядя на Таню сверху вниз и наблюдая, как у нее идет мыслительный процесс. – Вот ты подумай, как меня удивить. Это и будет тот уровень, на который следовало бы вывести и твою полосу, и вообще все, что выдает наш дохлый отдел.

Таня затравленно посмотрела на Гаршина. Чем можно удивить этого прожженного журналисту, тощего и некрасивого циника пятидесяти лет от роду, она точно не знала.

Гаршин рассматривал Таню, в который раз удивляясь, почему она внушает ему такие странные, почти отцовские чувства. Таня была барышня яркая, но на гаршинский вкус слишком крупная. Шатенка, волосы уложены в пышную гриву, вон хвост какой... умные зеленые глазищи, вообще очень привлекательное лицо. И фигура что надо, но рост, как у манекенщицы. Таких Гаршин опасался, себе в этом не отдавая отчета. И жена у него была крохотная. А сын пошел в отца – длинный, тощий и нескладный, уже в шестнадцать обгоняющий папу в росте. Гаршин прижимал конверт и думал сразу обо всех – о жене, сыне, Тане... Сейчас он откроет конверт и выпустит из него свору разъяренных псов.

Кем-то нужно пожертвовать. Конечно, Гаршин Татьяну любит, он фактически научил ее писать, он привык к ней и именно ей передал бы свое кресло в случае возможного повышения. Конверт жег руку, и Гаршин ее убрал. Кого-то нужно отдать. Пусть это будет она, а не он. У него семья. Еще у него язва. От этой проклятой работы, от этой бестолковой жизни. А у нее? Да ничего серьезного. Какой-нибудь богатенький мальчик, который гордится тем, какая у него красивая игрушка. Ну, родители... При мысли о родителях Гаршин поежился. «Стоп! С какой стати я решил, что это так опасно? Она бывала уже в опасных местах, и все обходилось. А здесь материал фактически заказной. Все! Они хотели женщину – они ее получают. А что они с ней

будут делать, это от нее зависит. Не маленькая». Он вдохнул побольше воздуха и представил себе, как разбегается и запросто прошибает лбом воображаемую стену.

Таня, оправившись от причиненного ей Гаршиным расстройства, ждала указаний. Отразившееся в глазах начальства смятение чувств она правильно увязала с содержимым конверта и теперь старалась прожечь взглядом плотный картон. В конверте явно бомба. Судя по размеру – фотографии. Давай, начальник, показывай. Ты-то знаешь, как удивлять. Ты еще при большевиках снежного человека ловил – и тебе ведь разрешали... А раз не поймал – значит, и не было его. Такая вот сложная социальная функция у «аномального» репортера – зацепиться за бредовую идею и доказать народу одно из двух: да или нет. А то, что в обоих случаях тебе не верят... издержка профессии.

– Так! – выдохнул Гаршин. – Нам поставлена задача удивлять и наводить на размышления. Я предлагаю эту установку выполнить, а лучше всего – перевыполнить. На сто процентов. Даже приказываю! – Тут Гаршин внезапно сбавил набранные было обороты и кисло заключил: – Будем пугать. И наводить ужас...

– Не впервой, – утешила Таня. – погоди, начальник, а почему это тет-а-тет?

– Потому что касается только нас с тобой. Считай это признанием твоего профессионализма. Здесь нужно будет сработать четко, оперативно и с холодной головой. Беллетристы вроде господина Кузьмина не справятся. И более того – пока не сдашь материал и не получишь мое «добро», никому ни слова. Ясно?

– Нет, – сказала Таня. Порядком обескураженно сказала.

– Поясняю. Срок – неделя, объем – сколько можешь. Возможно – полоса. А тема – вот...

Гаршин открыл конверт и передал Тане несколько фотографий. Таня машинально пересчитала их – пять. Картинка была неясная, вся в мелкой «крупке», снимали ночью, на плохо освещенной улице, возможно – с большого удаления, «телевиком». И была эта картинка на всех листах одна и та же, только в развитии, в движении, ее «отстреляли» профессиональной камерой с автоматической протяжкой ленты. Между кадрами было, наверное, по полсекунды – значит, всего на фотографиях поместилось не больше трех секунд действия. И действие это поглотило Таню с головой.

С одной стороны, на первой фотографии не было ничего сверхъестественного. Корма большой машины, явно джипа. Трое мужчин в зимней одежде, похожей на армейскую, – пухлые куртки с широкими воротниками из искусственного меха. И глядящая прямо в объектив здоровенная лохматая псина.

В то же время снимок кишел загадками. Там, где у нормального джипа имеется заднее колесо, у этого было два! Куртки мужчин, похожие на зимние танковые комбинезоны, обтягивала сложной конструкции портупея, вся увешанная плохо различимыми приспособлениями. В то же время головные уборы у всех были разные: у одного что-то вроде шлемофона, у другого – просто ушанка, у третьего – вязаная шапочка с легкомысленным помпоном. Тот, что в шлемофоне, держал в руке длинный плоский футляр – почти как от электрогитары. И собака... На первый взгляд ничего особенного. Таня легко поняла, что это за зверь. Но ростом этот зверь был побольше метра!

Следующая картинка. Собаки нет – только в нижнем обресе торчит пышный, загнутый кверху хвост. Видимо, собака движется к оператору. Что ж, соболезную. Мужчины стоят на месте. Тот, что в шапке, указывает рукой в объектив. Все-таки отчаянные ребята фотограферы. Я бы са-амым краешком глаза посмотрела на такую компанию – и ножками, ножками...

Еще снимок. Почти без изменений. Хвоста уже не видно, мужчина в шлемофоне, кажется, раскрывает свой футляр.

Еще два снимка. Две фазы одного движения. Двое быстро смещаются вперед, а третий разворачивается к объективу, сжимая в руках диковинную штуку. Даже по тому, как он ее держит, ясно, что это оружие. Длинный прямоугольный ствол, какие-то рукоятки, вот выступ

наподобие магазина, кажется, есть приклад. Таня сменила фотографию, и ей открылся первый снимок – оказывается, она уже пролистала всю пачку.

– Ну, как? – спросил Гаршин, пристально наблюдавший за Таниной реакцией.

Таня постаралась вести себя профессионально.

– Жалко, нет следующего кадра, – сказала она.

– Там белое пятно. Затвор открылся как раз в тот момент, когда эта штука, – Гаршин ткнул пальцем в оружие на снимке, – выпалила прямо в объектив.

– Кому это так повезло?

– Одному свободному художнику. Ты его не знаешь, он у нас почти не публиковался. Специалист по аномальным съемкам. Давно охотился за этой милой компанией. И вот – отснял...

– Да-а, – протянула Таня глубокомысленно. – Это тебе не летающие тарелки.

– Точно, – подтвердил Гаршин. – Это симпатичные добрые ребята. И прелестная собачка.

– Собачка – кавказская овчарка. Только очень уж большая. Даже слишком. Весит, наверное, килограмм под сто.

– Откуда ты знаешь? – удивился Гаршин. – Кавказская?

– Всегда мечтала о собаке, – объяснила Таня, – да вот как-то не получилось. Лучше всего разбираются в собаках те, у кого их нет. А кавказы – вообще моя слабость.

– И этот пес, ты считаешь, чересчур велик?

– Трудно сказать. Большой. Но они бывают даже выше метра в холке. А так – сантиметров восемьдесят... девяносто. Меньше дога, например. Но рост здесь не главное. Это очень серьезные песики, начальник. Пай-мальчики таких не заводят.

– Ну, что ж, – сказал Гаршин. – С этой стороны ты подготовлена. Это хорошо. Я, например, собак побаиваюсь. А серьезных – особенно. Что еще заметила?

– Ничего. – Таня снова перелистала снимки. Ей стало вдруг не по себе. «Да, будит воображение, ничего не скажешь. Собаки, которые сразу бросаются, и люди, которые без раздумий стреляют. И из чего, хотелось бы знать? И главное – зачем?»

– В последнее время, – начал Гаршин издали, – в нашем милом городке появилась одна интересная достопримечательность. Тебе машина эта не знакома?

– Какой-то джип... но я никогда таких не видела. У него ведь шесть колес, да? – спросила Таня, и Гаршин понял: она уверена, что я сейчас разгадаю ей все загадки. Он до боли сжал челюсти. «Хотел бы я сам понимать, в чем тут дело».

– Я не знаю, куда ты смотришь на улице в ночное время...

– Я не хожу по улицам ночью, – сказала Таня. – Не имею такой опасной привычки.

– Прости, – смутился Гаршин. – В мое время молодежь была несколько беднее... и романтичнее. Оттого, наверное, что беднее. Да и ночью в городе было, конечно, не так, как сейчас. А ты заметила, что по всем сводкам, даже неофициальным, в последние три года уличная преступность снизилась? И в городе стало гораздо меньше нищих...

– Я заметила, что там страшно. – При этих словах Таню слегка передернуло. – Я просто физически ощущаю, что с наступлением темноты улицы затоплены страхом. А уж о подворотнях и говорить нечего. И раньше так страшно не было. Это, наверное, в нас самих. Мы так напугались за прошлые годы, что стали трусливы.

– Ладно, – сказал Гаршин. – Отвлекись. Так вот, милая моя опасливая сотрудница, довожу до вашего сведения. Машина эта действительно о шести колесах, и действительно это джип, и называется он «Рэйндж Ровер». Точнее, это редкая модификация старого «Рэйндж Ровера», у которого в оригинале колес нормальное число. Особенность этого автомобиля применительно к Москве – в том, что днем ты его на улице не увидишь.

Таня пожала плечами. Мало ли чего днем на улице нет.

– На это обратили внимание ночные извозчики, – продолжал Гаршин, – и от них информация прошла в нашу группу происшествий. А оттуда уже ко мне. Итак, факт номер раз: по

ночам на улицах города появляются черные – все черные! – шестиколесные джипы, которые ездят быстро, даже нагло, и их никогда не останавливает милиция. Для себя еще отметим, что «Рэйндж» – машина дорогая, а уж такой и подавно. Их на заказ для арабских шейхов делали. Факт номер два: люди-то в машинах ездят, судя по снимкам... но вот только снимки отщелканы в момент, когда этих людей увидели впервые. Потому что стекла у машин то ли очень тонированные, то ли односторонней прозрачности, что тоже, согласись, любопытно. И факт номер три: у меня записаны номера этих самых машин. И задался я целью выяснить, а чьи же они такие? Номеров у меня четыре разных – значит, и машин этих минимум четыре. Хотя их больше, наверное. Ты знаешь, какой у меня отличный источник в ментовке. На этот раз он меня долго мурыжил, а потом сказал, что номеров таких в природе не существует.

– Что же это за номера такие? – тихо спросила Таня.

– А нормальные московские номера. На машинах они вроде бы есть. А мой источник откопать их не смог. Пропущены они в милицмейском компьютере, понимаешь?

– Круто, – сказала Таня. – Как я понимаю, это ты меня пугаешь. Допустим, я испугалась. А ужас наводить?

– Сооружу-ка я нам кофейку. – Гаршин потянулся к стенному шкафу. – А ужас будет, будет... Я тебе сказал, что это задание – признание твоего мастерства в нашем деле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.